

НАШИ • ЗДЕСЬ

ЕВГЕНИЙ
СОЛОМЕНКО

ЧАС «Ч»

или Ультиматум
верноподданного динозавра

Евгений Н. Соломенко
Час «Ч», или Ультиматум
верноподданного динозавра

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645245

Час «Ч», или Ультиматум верноподданного динозавра:

Центрполиграф; М.; 2011

ISBN 978-5-227-02581-4

Аннотация

Президентом страны дан негласный указ убить странного террориста, который при помощи шантажа борется за уничтожение ядерного оружия, или же он запустит убийственную компьютерную программу... Вычислить компьютерного гения поручено прошедшему огонь и воду подполковнику спецназа Алексею Николаевичу Ледогорову. Находит он его в Петербурге – городе, который полон мистики и является для Ледогорова загадкой. Желая понять, почему борец за мир профессор Платонов желает «убить войну», подполковник неожиданно для себя обнаруживает родство душ с необычным террористом, и теперь их объединяет крепкая мужская дружба. Но приказ президента закон, – смерть Платонова неизбежна... Неужели герой поднимет руку на друга?

Содержание

Вместо пролога	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	58
Глава 8	66
Глава 9	73
Глава 10	81
Глава 11	90
Глава 12	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгений Соломенко

Час «Ч», или Ультиматум верноподданного динозавра

Вместо пролога

Обращение к президенту Российской Федерации

Г-н президент!

Я, разумеется, не верю в столь нелепую случайность. Но если всё же она произойдёт, и этот роман попадёт к Вам в руки, то заявляю со всей гражданской ответственностью:

1. Изображённый в книге президент РФ Валерий Федорович Фатеев не имеет прототипа. Он не «списан» ни с Вас, ни с кого-либо из Ваших предшественников.

2. Вышесказанное в равной степени относится к министру обороны и директору ФСБ, секретарю Совбеза, директору Мирового музея и прочим высокопоставленным персонажам данного

повествования. Эти действующие лица столь же нетипичны для нашей действительности, как Несусветный Папаша, Чёрный Монах и Белая Невеста, которые также присутствуют на страницах моего романа.

3. Более того: даже не столь влиятельные и вовсе не влиятельные герои и антигерои этой книги не имеют решительно ничего общего с реально существующими (настоящими и прошлыми) боссами транснациональных преступных картелей, руководителями антитеррористических команд, бойцами африканских повстанческих армий, переводчиками Мишеля Нострадамуса, японскими камикадзе, бруклинскими мафиози, парижскими антикварами, «гробокопателями»-уакеро, профессорами, чекистами и говорящими дроздами. Любое обнаруженное сходство является не более, чем случайностью.

4. И вообще всего описанного в «Часе „Ч“» не было на самом деле. Всё это – плод растревоженной авторской фантазии, сны и медитации, бред и блеф.

5. Оба главных героя данного романа – личности яркие и независимые. Рождённые – естественно! – моей нездоровой фантазией (см. п.п. 3, 4), они отныне живут самостоятельной жизнью, исповедуют собственные воззрения и принципы, которые могут не совпадать и даже диаметрально расходиться со взглядами автора. По коей причине автор не берет на себя ответственность за их слова, поступки и

галлюцинации.

6. Единственные действующие лица, имеющие реальных прототипов, – это рыжие тараканы-прусаки, которые валяются на голову Вашего придуманного и абсолютно нетипичного коллеги.

За сим свидетельствую свое почтение.

Сочинитель этой зловредной книги

и гр-н Российской Федерации

Е.Н. Соломенко

Глава 1

ТАРАКАНЫ НА ГОЛОВУ ПРЕЗИДЕНТА

(Москва, 20.. год)

Даже если ты – многоуважаемый господин президент самой наимировой супер-державы со всеми ее нефтяными скважинами, олигархами и разделяющимися ядерными боеголовками, это не исключает того факта, что когда-то ты, белобрысый и взлохмаченный, носился босиком по окрестным лужам, а дед Анисим грозил тебе вслед корявой палкой, аттестовал Антихристом и обещал всенепременно «наказать, как бог – черепаху». И такая катавасия творилась каждое лето в Пронске – неказистом городишке на Рязанщине, куда неуёмного Валерку Фатеева, троечника и мечтателя, родители «ссылали» на каникулы.

Дед Анисим бранился не страшно, и Валерка знал: он – добрый. А посулы покарать, аки бог – черепаху, вызывали у самостийного внука пренебрежительную улыбку. Потому как дед был лысый и морщинистый, и по этой причине сам смахивал на столетнюю черепаху Тортиллу из «Золотого ключика». Про себя Валерка так его и звал – Черепах Тортилл.

Черепак Тортилл коротал век в зачуханной избухе-пятистенке на окраине Пронска, и если его дом был чем изобилен, так это тараканами – крупными, с заливчатскими будёновскими усищами. Валерка Фатеев запомнил на всю жизнь: белая, известью крашенная стена, и по ней неустанно кочуют полчища усатых тварей, которых Тортилл почему-то называл прусаками.

...Сегодня к президенту Российской Федерации Валерию Федоровичу Фатееву явились прусаки из его детства. Не записавшись загодя на личный приём, минуя кордоны референтов и президентской Службы безопасности, они запросто проползли в его сон, где всю ночь шустрили по стенам, по потолку. А с потолка валились вниз и – страшно сказать! – продолжали свои тараканьи бега по всероссийскому темечку № 1...

Пробудился Валерий Федорович злым, взъерошенным, беспокойным. И теперь, сидя в обширном кабинете на фоне красно-сине-белого полотнища, двуглавого орла и прочей державной атрибутики, откровенно маялся. Он выслушивал доклады отутюженной челяди, а перед глазами маячило неустанное копошение богомерзких тварей.

«К чему бы этот гадский сон?» – раздумывал мнительный президент. В потаённых глубинах души – под многотонным теоретическим фундаментом диалектического материализма, под культурными напластованиями, освящёнными институтским дипломом, – он оставался человеком суевер-

ным. И сейчас твёрдо веровал: Батыева орда тараканов – не к добру!

И без того, леший их бабушку дери, цены на нефть падают, общая конъюнктура на мировом рынке – ни к чёрту! Да ещё очередной компроматец придворные преподнесли. ключевой министр, близкий к нему, Валерию Фатееву, соратник и сподвижник (паразит, чмо болотное!) проворовался, как последняя паскуда. А тут вот ко всему этому – нате, пожалуйста: тараканы всю ночь гулевали, на башку великодержавную сыпались. Теперь жди – какая-нибудь новая подлянка на тебя обрушится. Знать бы ещё какая именно!

Президент тряхнул головой, словно сбрасывая с ухоженной шевелюры обнаглевшего рыжего усача. И, предприняв усилие, вслушался: чего там лопочет выстиранный-выглаженный человечек с казенной папкой в потливых ладошках?

Тот лопотал несуразное. Слова, вроде, русские, а до смысла – экскаватором не докопаешься. «Выгнать бы вас поганой метлой – стерильных, отутюженных, никаких! К чертовой матери!» – мечтательно вздохнул президент. И даже улыбнулся краешком губ. Но улыбка тут же увяла: выгнать не фокус, только на месте этого лопотуна другой такой же образуется – аппаратный клон. Хоть косою все эти кабинеты выкоси – моментально из паркета прорастут двойники: такие же фальшивые, трусоватые, жадные. Точь-в-точь – неистребимые дедовы прусаки, пригревшиеся подле теплой государственной печки!

Тут слева от бескрайнего стола медоточивым голосом царедворца залезбил один из ответственных телефонов. Линия прямой связи с секретарем Совета Безопасности Горбцовым.

– Да, Василий Поликарпыч? – отозвался обитатель наи-первейшего кабинета государства Российского.

– Здравия желаю, Валерий Федорович! Поступила серьезная информация. Считаю необходимым доложить вам лично, конфиденциально и срочно. По возможности – безотлагательно.

Президент поморщился:

– Чего, горит?

– Горит, Валерий Федорович! – заверила трубка. – Совсем полыхает!

– Ну, коли полыхает, давай тушить, – вздохнул Фатеев. Бросил взгляд на вечного своего понукателя – циферблат, золотящийся в нарядной малахитовой оправе:

– Через восемнадцать минут. Жду.

Восемнадцать минут спустя Горбцов сидел в кресле напротив и докладывал:

– Полчаса назад на мой личный компьютер по электронной почте поступило сообщение, адресованное Вам, Валерий Федорович. Сообщение анонимное. Отследить автора пока не удалось, как мои орлы ни бились. Зашёл в одно питерское интернет-кафе, отправил нам свой «привет» и благополучно ретировался. И никто его там не приметил, не за-

помнил: мало ли публики в кафешках интернетовских отирается?

– И эта анонимка занюханная столь серьёзна, что потребовалось докладывать мне? – уточнил хмуро президент.

– Увы, – кивнул секретарь Совбеза, скорбя лицом. – Вообще-то, ее можно бы выбросить в корзину как бред очередного шизофреника. Да вот только...

– Чего «только»? Говори толком, сопли не жуй!

– Есть основания полагать: нынешний аноним – это тот самый диверсант, что устроил нам две «весёлых» трёхминутки на прошлой неделе. А сейчас он и вовсе выдвигает ультиматум. – Горобцов, после крохотного колебания, уточнил: – Вам.

– Чего выдвигает? – Белёсые президентские брови поползли вверх. – Ультиматум?

Вот и тараканы на твою голову, Валерка Фатеев! Таракан, правда, один, зато совсем уж оборзевший!

Услышав о «весёлых трёхминутках», отец нации превратился в грозовую тучу: те шесть минут стоили ему десятка лет жизни. А министр обороны Аникеев от такого веселья и вовсе залетел в Центральную клиническую больницу. (Сперва-то все, грешным делом, решили: от монаршего гнева прячется Аника-воин. Но потом оказалось – и впрямь его тюкнуло по миокарду!).

Выходит, «трёхминутки» были только цветочками. А теперь вот и до ягодок докатилось. Президент крякнул:

– Ну-ка, давай сюда эту твою анонимку!

Горобцов достал из чёрной папки три аккуратно скрепленные страницы. Глянцевые листы в протянутой через стол руке предательски подрагивали.

Доска объявлений

*Управление делами Президента Российской Федерации купит рыжих тараканов (Прусак, *Phyllodromia ermanica*, принадлежит к прямокрылым насекомым, отряду бегающих). Клопов, пауков и сороконожек не предлагать.*

Глава 2

ЛУКАС КРАНАХ СТАРШИЙ И ПОДПОЛКОВНИК ЛЕДОГОРОВ

(Российская Федерация, 20.. год)

– Признаться, я не улавливаю сути нашего разговора. Который тянется уже... – директор музея бросил взгляд на наручные часы «Квинтинг Хронограф» (невидимый механизм из абсолютно прозрачного сапфира, зависшие в воздухе стрелки, запатентованное чудо швейцарских часовщиков стоимостью под полтора миллиона рублей) – уже пятнадцать минут!

Круглое чело Ледогоровского визави было отмечено расплывчатостью черт – будто директору на эмбриональной стадии его карьеры долго вылизывала личико очень старательная корова. В данный момент эти черты демонстрировали крайнюю занятость – слишком высокую, чтобы тратить время на всяких там подполковников ФСБ. Подполковников пруд пруди, а он, директор, – уникален, как и возглавляемый им музей.

Относительно музея у Ледогорова сомнений не возникало, относительно директора – имелись. Подполковника не приводили в трепет ни титулы собеседника, ни его высокие

связи, ни застывшее на лице выражение высочайшей духовной озарённости.

«Интересно: а курочек своих ты топчешь с такой же одухотворённой физиономией? Попрыгунчик ты наш!» – ухмыльнулся про себя гость. Для него не составляло секрета любвеобилие неувядаемого директора.

Сама попытка Ледогорова пробиться к Попрыгунчику была воспринята сухопарой директорской помощницей как вопиющее святотатство. Если у подполковника возникли вопросы, связанные с музеем, то их можно задать и заместителям директора, и начальнику отдела по связям с общественностью! А сам г-н директор чрезвычайно занят, у него всё расписано по секундам!

На что Ледогоров, старший оперуполномоченный по особо важным делам Федеральной службы безопасности, только улыбнулся. И ласково пообещал вяленой референтше посетить музей в сопровождении СОБРа.

– Это – Специальный отряд быстрого реагирования, – пояснил он любезно. – Очень непосредственные ребята в чёрных масках и кевларовых бронежилетах.

После чего выяснилось, что в перегруженном директорском расписании чудесным манером образовалось «окно», и не далее, как завтра утром, господин подполковник будет принят господином директором лично...

...Встреча высоких договаривающихся сторон проходила миролюбиво, хотя не без некоторой нервозности. Нервоз-

ность проистекала от директора: сочилась из его глаз, электрическими искрами потрескивала на кончиках уложенных волос.

Собственно, ни на один свой вопрос Ледогоров не получил членораздельного ответа.

Существует ли реальная угроза хищения из запасников? – Крайне маловероятно, но лучше об этом поговорить с главным хранителем и с начальником службы безопасности.

Какие дополнительные меры за минувший год приняты для сохранности экспонатов, выставленных в залах? – Сделано все возможное в рамках существующего финансирования. Впрочем, мог бы ответить заместитель по режиму.

Попрыгунчик уходил от разговора, прятался за общие слова. Что и требовалось доказать. Подполковник располагал данными (пока – только косвенными): одухотворённый директор самолично срежиссировал серию хищений из обширной музейной коллекции.

* * *

Чем пахнут холсты Тинторетто, Рубенса, Гогена? Музейной пылью? Временем? Высоким таинством творения? Да, несомненно.

Но к этим ароматам нынче примешивается густая вонь предательства, крови, больших и грязных денег. Ибо накопленные человечеством полотна, карандашные наброски,

древние манускрипты являют собой не только триумф духа, но ещё и выгоднейший товар. Сей факт прекрасно усвоили боссы преступных картелей. И с нивы, осенённой именами гениев всех времен и народов, они снимают урожай, не меньший, чем от торговли оружием. Золотым дном для этих «оратаев» стала Российская Федерация: богатейшие музеи, архивы, библиотеки, и всюду – раздолье: воруй – не хочу!

Вокруг здешних бесхозных кладов вьется плотный рой кровососущих. Нечистые на руку хранители, сребролюбивые музейные директора, продажные чиновники, эксперты, таможенники... Вся эта фауна объединена в отлаженную систему, перекачивающую картины Рембрандта, Матисса и Шагала из расхристанной России в благопристойные страны Золотого Миллиарда.

За последние годы такое разграбление приняло для державы характер национального бедствия. Вот почему столь «непрофильным» делом пришлось заняться Федеральной службе безопасности. Выявить основные каналы утечки, а главное – дирижёров сыгранного криминального оркестра было поручено специально созданной оперативно-следственной группе под началом подполковника Ледогорова.

– Хороша кампашка! – посмеивался тот. – Томас Гейнсборо, Лукас Кранах Старший и Алексей Ледогоров. Мама была бы счастлива: наконец-то ее сыночек попал в приличное общество!

Больше для порядка он задал одухотворённому директору ещё пару вопросов. Ледогоров отдавал себе отчет: Попрыгунчик – при всех своих регалиях – исполнитель средней руки. Конечно, не рядовой, но и на генерала не тянет.

Фигурантов по делам о хищениях и контрабанде произведений искусства хватало. Но всё это оказывались мелкие сошки – куклы, которых дергали за ниточку большие дяди, сокрытые за ширмой. А вот подобраться к самим дядям никак не получается. Потянешь за нитку, а кукловод ее – чик ножичком! Вместе с головой куклы.

Но подполковник не вешал носа. За неунывающий нрав Алексея Ледогорова ещё в «Вышке» – Высшей школе КГБ – прозвали Весёлым Роджером. Ястребиный нос с хищной горбинкой и глаза, посверкивающие кинжальной сталью, впрямь делали Роджера форменным пиратом: «пятнадцать человек на сундук мертвеца (йо-хи-хо!) и бочонок рома!».

Миновали десятилетия, а курсантское прозвище так и тянулось за ним через все его должности и звания, через адово пламя пройденных Ледогоровым «горячих точек планеты».

Всегдашняя Ледогоровская весёлость не походила на восторженность мотылька, не ведающего печалей. Алексей Николаевич опровергал формулу «пессимист – это информированный оптимист». По долгу своей службы он был очень

даже информирован, и печали ох, как ведал! Но при всем при том оставался, по собственному выражению, «непроходимым оптимистом». Может, десять или сколько там ещё колен его образованных предков – лингвистов, математиков, психиатров – отгрустили свое с лихвой, как и положено нормальным российским интеллигентам. И Всевышний по высокой своей справедливости рассудил: пусть хоть этот продолжатель рода не будет рабом скорби, а станет весёлым ратником с неунывающей душой!

Скорей же всего, Алексей Ледогоров, как многие русские люди, оставался фаталистом и веровал в предначертанность судьбы. А веруя, свято исповедовал тот взгляд, что все напасти, которые должны тебя тюкнуть по маковке, – непременно тюкнут, – печалуйся ты заранее или же нет. И потому нет резона их предвосхищать кислым настроем. Коли уж угораздило тебя родиться на этот свет, радуйся!

По натуре подполковник Ледогоров являлся закоренелым грешником: божеские заповеди он нарушал, не моргнув глазом. Но на случай неминуемой встречи со Вседержителем хранил в рукаве козырного туза: сколько жизнь его ни била, Роджер никогда не впадал в смертный грех уныния. Какие бы катавасии ни закручивались вокруг, Ледогоров выносил резолюцию:

– Ни фига, Лёха, – прорвёмся!

Самое непостижимое заключалось в том, что он, действительно, «прорывался». И всякий раз из самой жаркой зава-

рухи выбирался живым и даже относительно здоровым...

...Сейчас, внимая Попрыгунчику, мычащему нечто мало-вразумительное, Роджер оставался верен себе и на ситуацию смотрел вполне позитивно. «Мычи-мычи! Скоро ты у меня соловушкой запоешь, дай только отследить твои криминальные контакты!».

Со свирепой веселостью Ледогоров взирал на исходящего нервами директора. И чем больше вглядывался в эти черты, тем отчётливей всплывало перед ним другое лицо – красивое, словно отчеканенное мастером из дагестанского села Кубачи.

Обладателя чеканного лика звали Асланом Абдулхановым, и был он крупным начальником в Государственном таможенном комитете. Подчиненные называли его Ханом – за непререкаемую волю и железную дисциплину, которую тот насадил в своем воинстве. Но только двое особо доверенных людей знали его как «Золотого Аслана» – авторитета, курирующего поток произведений искусства, контрабандно утекающий за пределы России.

Роджер словно бы опять видел ироничные глаза Хана и волевой рот, искривленный шрамом, что протянулся слева, от угла губ и почти до глаза. Этот страхолюдный рубец Аслан заработал в Чеченских горах, в жарком рукопашном бою. А вслед за шрамом и двумя осколочными ранениями получил маленькую звездочку Героя России. После чего сменил скользкие тропинки армейского разведчика на аудито-

рии Таможенной академии и стремительную карьеру энергичного профессионала.

На чем же они тебя поймали, командир разведроты ВДВ? На каком таком компромате вербанула тебя мафия?

На все Ледогоровские вопросы Золотой Аслан – уже заключённый в следственный изолятор ФСБ, известный под названием «Матросская тишина», – отвечал молчанием. И так – на протяжении двух недель. Только вчера разлепил, наконец, узкие губы:

– Не тяни из меня жилы, подполковник! Я – человек конченный. Меня теперь не суд приговорит, меня приговорили уже, – усмехнулся, дернув шрамом, – большие кунаки! Списали Аслана, как расходный материал.

– Ну? И охота тебе за кровососов этих на плаху идти? – наседал Весёлый Роджер. – Будешь в земле гнить от удавки «кунаков», а они жировать станут на твоей могилке. Вот и почеши извилины – кого тупым молчанием от петли спасешь.

– Да брось ты песни петь! Какая, к Аллаху, петля? Не тебя, так начальничка твоего они всё одно купят с потрохами! И будут дальше трескать коньяк да баб трахать.

– Ты же не купил, – хмыкнул Ледогоров. – А ведь как старался – и десять «лимонов» баксов сулил, и виллу на Лазурном берегу!

– Ладно, не томи душу, дай мозгами раскинуть, – вздохнул Абдулханов тяжело. – Надумаю – тянуть не стану: завтра

же нарисую тебе «весёлые картинки». Ну, а не надумаю, – не обессудь.

Назавтра Весёлый Роджер прикатил в «Матросскую тишину» к девяти утра. Но дежурный прапорщик отвёл взгляд: – Нельзя к Абдулханову, товарищ подполковник! В морге Абдулханов. Ночью отбросил копыта: «моторчик» подкачал!

Ледогоров ринулся в морг. Когда тело Аслана извлекли из морозильной камеры, осмотрел его придирчиво. То, что искал и что не вошло в протокол судмедэкспертизы, Роджер нашёл почти сразу же: крохотную точку от укола на левом локтевом сгибе. А напоследок обнаружил ещё и гематомку в районе сонной артерии. Стало быть, вырубил Хана ударом по горлу, затем ввели в вену микродозу яда. Спустя минуту, яд вызвал паралич сердечной мышцы, а ещё через полчаса разложился бесследно – ни одна экспертиза не подкопается.

И было Роджеру яснее ясного – ни чёрная меточка от иглы, ни легкий синячок на шее не позволят доказать ровным счетом ничего. Официальная версия и заключение судмедэксперта незыблемы, как пирамида Хеопса: заключённый Абдулханов умер в результате обширного проникающего инфаркта миокарда, вызванного интенсивным стрессом.

Умеет мафия обрубать концы! Хотя бы и в изоляторе ФСБ...

...Роджер мотнул головой, прогоняя жутковатое видение. Растаяли белокафельные стены морга, уступили место музейным пространствам, а вместо заострившегося лица уби-

того Хана проступила клубящаяся туманность директорского лика. Через минуту, прощаясь с Попрыгунчиком, Ледогов посоветовал от души:

– Берегите здоровье, господин директор. Дела, которыми вы занимаетесь, требуют стальных нервов!

Доска объявлений

Дирекции Музея требуется искусствовед с опытом работы киллера и положительными рекомендациями.

Глава 3

УЛЬТИМАТУМ ВЕРНОПОДДАННОГО ДИНОЗАВРА

(Москва, 20.. год)

Хозяин главного Кремлевского кабинета принял листки у секретаря Совбеза и впился в текст:

*Президенту Российской Федерации Фатееву В. Ф.
Уважаемый господин президент!*

Вынужден предъявить Вам этот ультиматум.

Дабы уверить Вас, что я не блефую, данное обращение я предварил двумя вторжениями в компьютерную сеть Министерства обороны РФ с кратковременным выведением ее из строя. Первое отключение я устроил 2 апреля с. г., с 10.05 до 10.08 по Московскому времени, второе – на следующий день, с 21.40 до 21.43. (Уверен, что соответствующая информация была доведена до Вашего сведения.) Я не имею отношения ни к названному министерству, ни к одной из спецслужб, и располагаю столь точными и строжайше засекреченными сведениями по единственной причине:

именно я произвёл эти отключения, чтобы предоставить Вам доказательство своих реальных возможностей.

В случае, если Вы отвергнете мой ультиматум (о его условиях – далее), я буду вынужден прибегнуть к крайним мерам. А именно – полностью и на неопределённо долгий срок вывести из строя компьютеры Центрального командного пункта РВСН – Ракетных войск стратегического назначения.

Фатеева бросило в жар. Он представил себе последствия такой акции. Все соединения, все космодромы, полигоны, межконтинентальные баллистические ракеты, спутники на орбите сделаются слепы, глухи, неуправляемы. Окажутся парализованными знаменитые ракетные комплексы «Тополь-М» (основа стратегических ядерных средств России!) и вся система боевого управления войсками и оружием РВ-СН. Равно, как и его, президента, «чёрный чемоданчик» с секретными кодами управления ядерным арсеналом страны. Разумеется, заблокированы будут и второй, и третий «чемоданчики», закреплённые за министром обороны и за начальником Генштаба. Этакий всеобщий паралич, который способен привести к гибели государства...

Я – не душевнобольной, не террорист и не диверсант, действующий в интересах иных стран. Я – научный работник, специалист в одной из точных наук. В результате длительных размышлений и системного анализа я пришёл к фундаментальным выводам,

которые считаю необходимым довести до Вас.

Президента душила ярость. Научный работник! Специалист наук! Педераст вонючий, вот ты кто!

Глава государства недолюбливал ученую братию, его бдительные глаза прозревали в этой среде «пятую колонну», космополитов, для которых занюханная истина дороже родной страны. Разумеется, он тщательно скрывал свой антиинтеллектуализм, как скрывают застарелый сифилис. Но вот сейчас Фатеев держал в руках доказательство (куда уж наглядней!) собственной правоты.

Ну? И что там дальше наваляла эта ученая гнида?

Отчего на нашей планете вымерли динозавры? Их погубило отсутствие интеллекта и гибкости: древние ящеры не смогли приспособиться к новым природно-климатическим условиям, вызванным некой космической катастрофой. Сегодня человечество пребывает в положении динозавров – с той разницей, что рискует погибнуть не от сторонней угрозы, а от разрушительных сил, которые создало своими же руками. И вероятность риска неуклонно приближается к ста процентам.

На протяжении тысячелетий индивидуум, общество и государство привыкли решать возникающие проблемы с помощью силы. Такой способ мог считаться приемлемым в эпохи каменного топора, арбалетов, кремневых ружей. Но сегодня – когда человечество распоряжается арсеналами, способными

погубить жизнь на Земле, – силовое решение проблем становится категорически недопустимым.

Минувшее столетие было ознаменовано колоссальным прорывом мысли в области техники, физики, других естественных наук. Увы: главными плодами научной революции стали сверхмощные виды оружия – ядерного, бактериологического, психотронного и проч. И всё это происходило на фоне крайне замедленного прогресса (а в ряде случаев – очевидного упадка) наук гуманитарных – которые определяют поведение человеческого сообщества. Таким образом, психология наша осталась на допотопном уровне. Несмышленный ребенок играет с пресловутой «красной кнопкой», – преддверие к Апокалипсису.

Не надо быть оракулом, чтобы спрогнозировать: завтра будут созданы новые глобально смертоносные «игрушки». Причём производить их окажется столь просто, что сверхоружие сделается легкодоступным для террористов и маньяков. И тогда уже никакие международные пакты, никакие Советы Безопасности ООН и миротворческие контингенты не предотвратят глобальной катастрофы.

Мой личный пример наглядно демонстрирует, что уже нынче способен сотворить одиночка, в какие жизненно важные процессы вмешаться самым решительным образом. К счастью, сегодня это могут проделать лишь единицы. Но завтра доступ к ящику Пандоры упростится многократно.

«Твой пример, чмо болотное, демонстрирует только то, что мозги у тебя набекрень сбились от высокой образованности! – крикнул глава государства, мусоля глянцевый листок. – А в ящик Пандоры я тебя самого засуну! И урою по самое нельзя!».

Разгневанный гарант снова погрузился в текст.

В последние годы человечество сплотилось, чтобы совместно противостоять многим угрозам: падению крупных космических тел, расползанию озоновых «дыр», наступлению опасных вирусов-мутантов и т. д. Но только не для того, чтобы обуздать созданные собственноручно всеразрушающие силы. Шаги, предпринимаемые в этом направлении, носят (в лучшем случае) половинчатый характер и потому обречены на неуспех. И если сегодня ведущие государства мира не приложат ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ УСИЛИЯ, не примут САМЫЕ КАРДИНАЛЬНЫЕ МЕРЫ, то завтра будет уже поздно.

Безотлагательное принятие широкого комплекса этих мер и является условием моего ультиматума.

Прежде всего необходимо искоренить силовой стиль в межгосударственных отношениях, отказаться от «стратегии военного противостояния», «стратегии равновесия сил» и проч. А затем – уже на уровне социума – создать глобальную систему воспитания и образования, которая бы базировалась на принципах, начисто отвергающих силовое решение каких-либо проблем. Мировое сообщество обязано

в этом направлении сконцентрировать все свои усилия. И тут я ожидаю от Вас, господин Президент, самых решительных шагов, предпринятых как внутри страны, так и на международной арене (слава Богу, Россия пока ещё остается в ранге мировой державы, и к ее мнению другие государства вынуждены прислушиваться). Как конкретно решать эти стратегические задачи, Вам виднее. Главное – добиться конечного результата и спасти цивилизацию.

Я понимаю, что маховик национальной (тем более – международной) политики обладает огромной инерцией, и за несколько дней его не раскрутишь в обратном направлении. Поэтому я согласен ждать ещё три месяца, начиная с сего дня. Если же в указанный срок требуемые шаги не будут Вами предприняты, то я окажусь вынужденным прибегнуть к чрезвычайным мерам, о которых поставил Вас в известность в начале данного меморандума.

Всё это время Горобцов дипломатично смотрел в сторону, на высокое окно, откуда лился неяркий дневной свет. Казалось – проникая в святая святых, свет этот становился на удивление вышколенным, стараясь не слепить владельца кабинета, и если уж касаться высочайших очей – то приглушённо и деликатно донельзя. Так же деликатно сам секретарь Совбеза принимал отсутствующий вид, хотя боковым зрением следил за мимикой шефа. Мимика отсутствовала: Валерий Фатеев умел скрывать обуревавшие его эмоции. И Горобцову оставалось лишь догадываться, о чем думает сей-

час президент. А президент, между тем, читал про Горбощова:

Прошу не удивляться, что письмо, адресованное Вам, я передал на компьютер секретаря Совета безопасности Это – лишняя подстраховка с моей стороны: когда в курс дела окажется вовлечен ещё один человек, то для Вас, г-н Президент, будет сложнее впасть в самоубийственный соблазн и «забыть» о данном ультиматуме, «затерять» его среди других бумаг и проч.

Мои действия ни в коем случае не направлены против интересов родной страны. Аналогичные ультиматумы я направил главам всех государств мира, располагающих оружием массового уничтожения или ведущих интенсивные исследования в данном направлении. Если мировые лидеры окажутся неспособными круто изменить курс нашего общего корабля, то за них это сделаю я, лишив их возможности использовать собственные арсеналы. Но мое малокомпетентное вмешательство может быть чревато нежелательными и непрогнозируемыми последствиями.

Часы включены, господин Президент. Я очень рассчитываю на Вашу дальновидность и широту мышления.

С уважением и надеждой,

Один из Ваших подданных динозавров.

Фатеев положил последний лист на полированную сто-

лешницу очень медленно и очень осторожно. Казалось – он опасается, что соприкосновение «меморандума» со сверкающей поверхностью стола вызовет термоядерный взрыв.

Безрадостно улыбнулся: не зря тараканы ему всю ночь на темечко валились! В руку сон, ох, в руку...

Вот они, реалии XXI века. Это во времена Гоголя простой смертный все ноги себе обобьёт, пока удостоится аудиенции у самого микроскопического столоначальничка. А сейчас – пожалуйста: чеши себе ультиматумы президентам! И даже такая бронетанковая бюрократия, как наша российская, уже не способна остановить зарвавшегося «челобитчика». А впрочем... В чем-то, может, оно и к лучшему? Привыкли мы за бронёй своего аппарата отсиживаться! Разомлели, заплыли жиром. Ничего: теперь вот, благодаря этому ученому, паскуднику, придётся попрыгать! Тем паче, что аноним наш отчасти, действительно, прав...

И тут же, вздохнув, гарант Конституции добавил мысленно: «Только мне от твоей правоты, правдоискатель занюханный, ни на воробыный чих не легче!».

Ещё задолго до «восшествия на престол» Валерий Фатеев отдавал себе отчет: чем выше человек поднимается по скользкой лестнице чинов, тем меньше у него остается степеней свободы. Это только со стороны кажется: президент (министр, губернатор) – всем вокруг крутит-вертит! А на деле-то не столько он вертит, сколько вертят им – обстоятельства, обязательства и чёртова уйма людей, которые держат в

руке ту или иную ниточку.

Но сейчас – после получения такого вот ультиматума – степень его, президентской, несвободы выросла многократно. Это уже не ниточки, а самые что ни есть стальные тросы.

– Ладно, Василий Поликарпыч, ступай к себе, не трать казенное время попусту! А я тут покумекаю насчёт твоего ультиматчика-автоматчика, динозавра ископаемого.

Проводил взглядом безукоризненно прямую спину секретаря Совбеза. И когда Горобцов скрылся за дубовой дверью, президент, наконец, дал себе волю.

Ситуация – неслыханная, парадоксальная, унижительная донельзя: он – глава сверхдержавы, распоряжающийся уникальным ядерным комплексом, танковыми армадами, десятком хитроумных спецслужб, – ощущал полнейшее бессилие перед каким-то психопатом! Щёки президента горели огнём – как от пощёчины.

Среди приближенных глава государства славился железным спокойствием. Но тут, наедине с собой, отпустил тормоза: выскочил из-за стола, пару раз пробежался нервически взад-вперед. После чего вернулся в кресло и застыл с кривой ухмылочкой на устах.

Да: дело – тоньше не бывает. Кому же его поручить? (Президент просканировал взыскующим взором застывшую верноподданно шеренгу «прямых» телефонов). Силовиков у нас развелось – не сосчитать, а толку-то? Подглядывают друг за другом, как ревнивые жены в султанском серале, и так же

наушничают за спиной...

Фатеев машинально кинул взгляд на расписание сегодняшних мероприятий. А впрочем, какие, леший их бабушку дери, мероприятия, когда тут – такие чудеса в решетке?

Твёрдый палец лег на кнопку селекторной связи с дежурным помощником:

– На ближайшие полтора часа всё отменяется. Назначаю внеочередное совещание через двадцать минут. Участники – секретарь Совбеза, руководители Администрации, ФСБ, ФСО, СБП, ГРУ и МВД. И чтобы никаких замов: только первые лица! Кстати, узнайте, как там министр обороны. Если уже выписался из больницы, то и его тоже – сюда! Всё.

Доска объявлений

Вниманию покупателей! Универмаг «Виктория» проводит предпраздничную распродажу. Купив зенитно-ракетный комплекс С400ПМУ2 «Фаворит», вы получаете в подарок шлем тевтонского рыцаря. Спешите! Акция действует в течение трех дней!

Глава 4

ВРЕМЯ УБИВАТЬ

(Санкт-Петербург, 2000 год)

Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я —
Принца, герцога, барона или короля...

Вот же привязалась долбанная песенка, мура мелкотравчатая! – усмехнулся Платонов. И тут же перескочил на другую тему. – Так, а вон те шакалы что-то мне не глянутся.

Этих двоих в чёрном кожане он заметил, как только вышел из метро «Горьковская». И сразу же кожаны Платонову не понравились, ну просто очень!

За последние два десятилетия он остро ощущал, как Питер теряет лицо. В самом прямом смысле. Всё реже на улицах встречались человеческие лица, и всё чаще мелькали рожи. Сытые, наглые, высокомерные. Хитренькие, норвящие надуть, «кинуть лоха». Спившиеся, отупелые. Злые, безжалостно-хищные.

Парочка, прилепившаяся квадратными спинами к ларьку «Шаверма», явно относилась к последней категории. Цепкие свои глаза они сфокусировали на сутулом старикане с палочкой, хромавшем впереди Платонова. Одет старичок был без роскоши, но и не в обноски: определённо наличествуют де-

ти, способные подкинуть рублишко на молочишко.

«Но в другом, дед, тебе, кажется, не подфартило!», – констатировал Платонов. Ибо молодые волчары оторвали спины от хлипкой ларёчной стенки и двинулись за согбенным тихоходом.

Профессору приходилось слышать о таких вот «геронтологах»: высматривают небедно «прикинутых» стариков, провожают до подъезда, а там проламывают черепушку и обируют до нитки.

Вообще-то Платонову пора было сворачивать направо, к подземному переходу, но он, потоптавшись подле журнального киоска, пропустил кожанов вперед и потащился у них в кильватере.

А без мужа злая стужа станет жизнь моя.

Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я!

Вообще-то Георгий Платонов был мужчина солидный: светоч науки, лауреат Государственной премии, а в прошлом – ещё и король ринга, чемпион Ленинграда в полутяжёлом весе. На память о ринге ему остались куча кубков и грамот, пылящихся на антресолях, а также сбитый на сторону нос. Этот скособоченный «форштевень» вкупе с героической челюстью, суперменски выступающей вперед, придавали профессору вид вовсе не лауреатский, но по-своему тоже серьёзный.

Зато откровенно несерьёзным у Платонова оставался лексикон, помноженный на повадки «трудного подростка». Да ещё с туманной юности липли к нему песенки – блатные, туристские, студенческие и Бог знает какие ещё. Впрочем, что именно он бурчал под нос, немилосердно коверкая мелодию и перевирая слова, – оставалось для Платонова несущественным...

...Так они и плелись, нога за ногу: впереди старичок – божий одуванчик, за ним – эскорт в кожаных куртках, ну а номером третьим вышагивал он, Георгий Платонов, апостол отечественной кибернетики и гений компьютерных технологий. Этот широкий в плечах мужчина с копной светлых волос, энергичным лицом и массивным подбородком смахивал на древнего викинга, которого совсем уже сильный шторм по ошибке забросил в наше XXI столетие. Мощный и легкий в движениях, он никак не тянул на свои сорок девять. И тем не менее, просмоленный чёлн жизни неумолимо влек заплутавшего норманна навстречу туманным проливам шестого десятка лет.

Окружающую жизнь бывший чемпион-«полутяж» давно воспринимал, как тот же ринг, только без правил. И на ринге этом он дрался умело, расчётливо. Если требовалось – жестоко: толстовцем не был никогда. А в последние годы, наблюдая, что сотворили с его страной, наливался лютой ненавистью. Обида застилала глаза, заставляла ночами вертеться без сна, бессильно скрипеть зубами. А хотелось этими зубами

ми рвать глотки новоявленным волкам и шакалам. Пускай знают: не у них одних клыки крепкие!

И сейчас, наткнувшись на двух здоровущих трупоедов, Платонов оскалился кровожадной улыбкой. Он шел, отталкиваясь крепкими ногами от Земного шара, – последний Гроссмейстер, сильный мужчина, самодостаточный и независимый. Независимый от человеческой теплоты, от дружб и привязанностей.

Справа за деревьями мелькнул освещёнными окнами полупустой трамвай, и снова – ровный свет фонарей, и в тишине время от времени торопливо прошаркает редкий прохожий. Посреди маршрута у профессора что-то щелкнуло во встроеном музыкальном автомате, и звукозаписывающий аппарат непостижимым образом переключился на новую песню:

Слова любви вы говорили мне в городе каменном.

А фонари с глазами желтыми нас вели сквозь туман...

Их странноватый караван проследовал через парк, пересяк трамвайные рельсы и углубился в переулки Петроградской стороны. Когда вокруг начались проходные дворы, профессор предельно сократил дистанцию.

Любить я раньше неумела так – огненно, пламенно.

В душе моей неосторожно вы разбудили вулкан.

В душе у Георгия Платонова было мутно и погано –

словно в нее нагадили все кошки со всех подъездов и дворов Петроградской стороны.

Теперь он уже не шел, а крался – скрываясь за выступами, выглядывая из-за угла очередной арки. Впрочем, кожаные не считали нужным оглянуться. Зачем? Они уже давно числили себя хозяевами улицы.

Ямайским ромом пахнут сумерки – синие, длинные.
А город каменный по-прежнему пьет
и ждет новостей...

Окружавшие его очень уж плотные сумерки пахли не ямайским ромом, а мусорными баками и хронической отсырелостью.

Но вот старичка проглотила, утробно проурчав, высокая дверь подъезда. Следом за ним сноровисто шагнул один из кожаных. А второй заступил на вахту подле парадной. И когда перед ним образовался уже всюю поспешающий Платонов, то «караульный» лениво преградил дорогу:

– Куда разлетелся, папаша? Нельзя туда. – И хмыкнул: – Операцию проводим, в натуре. Милиция!

Он явно не принимал всерьез этого немолодого «бобра». Но бобёр оказался неожиданно настырным.

– Ах, операцию проводишь? – попёр он грудью. – У тебя что же, и корочка милицейская имеется? В натуре.

Это уже было наглостью, и терпеть ее «страж порядка» не собирался:

– Ты чо – крутой, да? Имеется корочка! Щас, мля, предьявлю!

Тяжкий кулак ядром просвистел в воздухе, но врезался в пустоту. Зато бобёр, небрежно уклонившись в сторону, засадил грозному церберу боковым в печень.

Церберу показалось, что с ним поздоровался буфер разогнавшегося трамвая. По-бабьи охнув, громила сложился пополам и повалился набок.

Не теряя драгоценных секунд, Платонов ринулся в парадную, разом охватил диспозицию. Вызванный лифт подползал сверху к первому этажу, а за спиной старичка громоздился молчаливый попутчик.

На хлопок двери и быстрые шаги «попутчик» обернулся с недоумением: кто это впёрся в охраняемый парадняк? Увидел прыгающего через три ступеньки Платонова. Рука, рванув на куртке «молнию», тотчас нырнула внутрь.

Но вынырнуть не успела. В завершающем прыжке Викинг впечатал каблук влево от грудины, в район сердца. То, что ещё полминуты назад мнило себя хозяином жизни, сейчас осело кулем на шербатый кафельный пол. Глаза невидяще обратились внутрь.

Всё, финита ля комедия! Старичок спасён, враг «понёс суровое, но справедливое наказание». Самое время откланяться и под аплодисменты партера покинуть сцену. Но Платонов уже не мог остановиться.

Зенит опять окрасил улицы красками дивными.
Но грозовые тучи кружатся над вулканом страстей!

Накопившаяся ярость обжигала, требовала выхода. Уничтожить! Порвать руками! Чтобы эта сволота никогда не калечила людей, не обирала наших матерей-отцов!

Он присогнулся, схватил бесчувственного амбала за расползающуюся на груди куртку и рывком воздел вверх. С трудом удерживая обмякшую тушу мощной рукой, резко, на выдохе, саданул локтем в отвисшую челюсть: влево-вверх. Стриженная башка мотнулась в сторону, в тишине подъезда надрывно хрустнули слетающие с оси позвонки. Из угла распяленного рта потекла, нарастая, красная струйка. Платонов отпустил тело, и оно рухнуло на заплёванную площадку.

Тут Викинг обратил взор на спасенного старичка. И обомлел. Тот, трясаясь всеми ревматическими сочленениями, тянул к профессору бумажник и прыгающими губами заклинал:

– Натэ, возьмите! Только не бейте, пожалуйста! Я не вынесу, у меня – два инфаркта!

На Платонова навалилась смертельная тяжесть.

– Ну что ты, отец? Это же вот он, сволочь мордастая, ограбить тебя хотел. А я заступился!

Но дедок, мыча нечленораздельно, тянул к нему тощий «лопатничек». Платонов осторожно, как засушенную бабочку, взял старика за костлявые плечики, развернул, подтолк-

нул в кабину лифта:

– Езжай домой, отец. С Богом!

И сам, потянувшись через лифтовый порог, нажал на верхнюю кнопку. Двери захлопнулись, и подъемник начал возносить насмерть перепуганного пенсионера – ближе к ангелам небесным и подальше от этой грешной земли, где на глазах у тебя жуткие люди по-звериному убивают друг друга.

Платонов, сутулясь и шаркая ногами, медленно побрел к выходу.

Но дверь с улицы распахнулась, и в нее вломился кожан номер один. Лапищу при этом держал на отлёте, и в ней по-сверкивало широкое лезвие ножа. Спустя секунду, оно желтой молнией метнулось Платонову в подреберье.

Но тот успел подставить предплечье, в сторону отводя полет стали. При этом сам развернулся боком и пропустил нападающего мимо себя. После чего – уже вдогонку – бросил расслабленный, обвисший кистенем кулак. В последний момент, когда «кистень» врезался в ямку под выбритым затылком, Викинг резко напряг руку и тотчас снова расслабил. Удар получился образцово-показательным: «кабан» не полетел носом вперед, а обрушился почти на месте. Выпавший клинок обиженно звякнул по кафелю, отскочил в угол и за-таился там среди «бычков» и сомнительных лужиц.

«Шпана, сопляки! Вам только со старичьем воевать беззащитным!». Этого второго, добивать не стал: накатившая злоба внезапно улетучилась. Профессор спрятал кулаки в кар-

маны плаща и шагнул из подъезда.

Потом он шел парковой аллеей, и сердце стучало вполне размеренно. А между тем, сегодня, на пятидесятом году жизни, он впервые убил человека.

Вспомнил, как ещё час назад мечтал покрошить в винегрет всех этих вурдалаков, питающихся чужой кровью. «Сбылась, Жорик, твоя мечта! С чем и поздравляю!». Внутри было пусто и бесприютно, как в питерском проходном дворе. И такая же заплёванность и помойка, и тупая непогрешность, нацарапанная ржавым гвоздем.

Ну а где же муки совести, испепеляющие на огне персонального ада? Где мальчики кровавые в глазах? «Ни того, ни другого не наблюдается, – констатировал профессор с холодной отрешённостью исследователя. – Убил – и убил. Время сейчас такое на Руси. Время убивать».

Платонов засунул кисти рук глубже в карманы и прибавил шаг. Ему ещё предстояло наваять статью для «Вестника Академии наук».

Доска объявлений

Доктор физико-математических наук, автор пяти монографий в области ИР-технологий дает консультации по вопросам выживания в большом городе.

Глава 5

«ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА»

(Москва, 20.. год)

– Итак, все присутствующие ознакомились с так называемым меморандумом. Прежде всего, я хотел бы выслушать – насколько, по-вашему, реальны угрозы этого интернетчика? Прошу не мямлить, предельно конкретно! – президент обвёл собравшихся отечески строгим взором.

– Разрешите, Валерий Федорович? – Директор Федеральной службы безопасности, «Господин Лубянка», решительно шлёпнул ладонью по столу, словно собираясь пристукнуть эту гадину – лежащую перед ним копию «меморандума»:

– Первым делом требуется отработать версию, что под маской террориста-одиночки Россию пытается шантажировать спецслужба недружественного государства или международная экстремистская организация. Хотя по почерку не похоже. Тем паче, что ультиматум этот нас лбами не сталкивает ни с Западом, ни с Китаем, ни с арабским миром. Но полностью исключить такую вероятность мы пока не можем. Основной же на сей момент мне представляется версия относительно маньяка-одиночки. И мы обязаны допустить ре-

альность его угроз. В Штатах ещё в 2000 году шестнадцатилетний пацан взломал компьютеры НАСА, которые управляли системами жизнеобеспечения на международной космической станции. А заодно проник в компьютерную сеть Пентагона. В интернете этот шустрец фигурировал под кличкой «Товарищ».

– Он, что, из коммунистов? – поинтересовался начальник Главного управления охраны.

– Он из интернетовской шпаны – хакеров. Помнится, суд обязал его написать покаянные письма министру обороны и директору НАСА: «Дяденьки, я больше не буду!».

Своего начитанного коллегу поддержал глава Спецсвязи:

– А другой Мальчик-С-Пальчик, откуда-то с Филиппин, создал очень милый компьютерный вирус – этакую электронную саранчу, которая «пожирала» операционные системы. И заслал, подлец этакий, своих «кузнечиков» в сети Пентагона, сопроводив трогательным текстом: «Среди миллионов людей по всему миру я нашел именно тебя. Не забудь постоянно вспоминать этот день, мой друг!». Не слабо, а?

Выдав этот спич, глянул искоса на «господина Лубянку» («И мы тоже в теме! Чай, не зря хлеб казенный едим!»).

– Кстати о Пентагоне. А что же наша оборона отмалчивается? Перешла в глухую оборону? – улыбнулся одними губами президент. – Федор Ильич, вы-то как смотрите на сложившееся положение?

– Отрицательно смотрю, Валерий Федорович, – вздохнул

министр обороны. И предпочел этим ограничиться.

Он уже сильно жалел, что вырвался из больничной палаты. «И чего тебе там не сиделось, старый козлодой? Валялся бы сейчас на коечке, лапал сестричек за пухлые жопки да болел бы за родной ЦСКА по „ящику“! А теперь вот со страху ходи под себя жидким стулом – как бы совсем Кондратий не схватил!».

– Н-да, – раздраженно кашлянул Фатеев. – Я, безусловно, рад, что участники совещания успели так подковаться теоретически, вникнуть в предысторию вопроса.

Всё это чрезвычайно познавательно: «Товарищи», Пентагоны, Филиппины! Но я настоятельно призываю из экзотических далей вернуться на родные суглинки. Хотелось бы услышать не захватывающие байки, а конкретные соображения – как нам действовать в данной нештатной ситуации.

...После сорока минут горячего обсуждения, активных пререканий и взаимных подножек, административная гора России родила очередную мышь: «сформировать штаб, координирующий действия всех силовых министерств и ведомств, направленные на...». И прочее в том же роде.

Президент слушал проект резолюции и морщился. Опять бестолковщина под видом всеобщей и бурной деятельности. И названий понапридумывали – одно другого грозней: план «Тайфун», план «Торнадо»... Торнадо-авокадо! Плевать, что результат нулевой, главное – никто не виноват, все при деле оказались. Фатеев понимал: абсолютно нестандарт-

ная ситуация требовала столь же нестандартных путей ее разрешения. Но и сам он был не в состоянии вырваться из той же десятилетиями наезженной колеи.

Наконец, резолюцию дожевали до победного конца, и хозяин кремлёвских апартаментов подвел черту:

– Значит, так. Координация действий, общий план мероприятий и прочая катавасия – вещи, безусловно, нужные. Но, как справедливо заметил искомый нами автор меморандума, в мире резко возрастает роль личности. А посему мне представляется необходимым поручить решение задачи десятку настоящих профессионалов – с надлежащим опытом, мозгами и хваткой. Каждый из них будет действовать в одиночку: параллельно с нашими комплексными бригадами и штабами и абсолютно от них независимо. Это должны быть личности, нестандартно мыслящие и не боящиеся брать на себя ответственность. Всем присутствующим здесь руководителям спецслужб надлежит подобрать в своем ведомстве одного такого Джеймса Бонда и представить мне лично сегодня же вечером, начиная с 20.00. График визитов обговорите с руководителем Администрации. На каждую аудиенцию отводится до 20 минут.

Президент расчетливо сделал паузу и, чеканя слова, повторил:

– Подчёркиваю ещё раз! Мне наплевать на их погоны, биографии, послужные списки. Пусть будут не ангелы, а черти чумазые! Мне нужны супер-спецы, которые бы соединя-

ли в себе навыки сыскаря, оперативника милостью Божьей и блестящего аналитика.

Завершающую фразу произнес тихим, вкрадчивым голосом:

– И последнее. Надеюсь, все присутствующие понимают – если ваши выдвиженцы не справятся с заданием, то погоны слетят мелкими пташечками не с них, а с вас. А возможно – и не только погоны...

«Круговорот веществ в природе! – усмехнулся невесело Фатеев. – Из грязи – в князи, из князей – обратно в грязь. Всё грамотно, всё по кругу!». И пригрелись внутреннему взору порочные круги жизни нашей многогрешной. Крутятся колеса рулеток всех казино этого алчного мира. Крутятся ловкие руки напёрсточника на привокзальной площади. Крутятся холёные пальцы председателя счётно-выборной комиссии над бюллетенями из вскрытой урны. Крутятся по дубовым паркетам отутюженные людишки, напоминающие и напёрсточника, и председателя счётной комиссии, и неустанные колеса рулетки...

...Крайне неприятное совещание, чреватое отставками, новыми инфарктами и прочими жизнеутверждающими последствиями, завершилось. Фатеев наблюдал, как приглашенные норовят побыстрее выскользнуть за дверь. Президентские губы скривились: «Аппаратчики-бюрократчики, скрепки канцелярские, леший вашу бабушку дери! Тараканы у деда Анисима – те посмелей были!».

Внезапно Валерию Федоровичу до чрезвычайности захотелось послать куда подальше эти полированные палаты с их пресмыкающейся фауной, вновь оказаться сопливым Валеркой Фатеевым, «бомбить» гороховые грядки и форсировать вброд все стратегические лужи районного города Пронска. Давай, дедушка: наказывай! Как Бог – черепаху! Хуже, чем сейчас, не будет.

**Из ненаписанного письма президента
Российской Федерации Фатеева В.Ф.**

Дорогой дедушка Анисим Гордеевич! Пишет тебе твой внук Валерка. Забери меня отсюда к себе. Христом-Богом прошу!

Глава 6

ДОН ВИНЧЕНЦО НЕ ЛЮБИТ ДЕЛИТЬСЯ

(Нью-Йорк, 1998 год)

– Мое почтение, дон Винченцо! – элегантный господин с манерами аристократа склонился, целуя руку пожилого человека, оплывающего жиром (ох уж это пристрастие к спагетти а ла карбонари!). Рука тоже была жирной и несвежей, от нее несло дохлым тунцом: элегантного перекосило от брезгливости. Но когда он выпрямился, безукоризненно выбритое лицо светилось благоговением.

– Здравствуй-здравствуй, Паоло. Хорошо выглядишь, сынок. Клянусь Большим жюри присяжных! – проскрипел Господин Тухлая Рыба, улыбнувшись всеми тридцатью двумя первоклассными зубами, шедевром самого дорогого протезиста на всем Восточном побережье.

Улыбаться жирный человек обожал. Светясь улыбкой, широкой и открытой, он изрекал:

– Вы уволены.

Или:

– Что-то этот кретин, которому я доверил Марсельский филиал, мышей не ловит. Слетайте-ка, парни, в Марсель, от-

везите убудка в доки и покормите рыбку!

Вот и сейчас он источал улыбку, которой можно осветить чашу «Жиллет Стадиум», вмещающую 40 тысяч болельщиков.

– Ну, Паоло, рассказывай! Что там наш армянин?

В их обширной империи Паоло считался вторым человеком после Тухлой Рыбы. Но он не обольщался своим положением и не поддавался на кажущуюся ласковость Босса. Иногда Паоло казалось – улыбающаяся пасть шефа демонстрирует свободному миру не тридцать два, а все шестьдесят четыре зуба: в два ряда, как у голубой акулы. Акула, монстр, мутант, Большой Босс Большого Синдиката.

– Наш армянин оказался крепким орешком, дон Винченцо. Он мне даже чем-то напоминает итальянца.

Пожилой небрежно махнул пухлой лапой:

– У армяшек кровь – это теплая водичка, в которую по ошибке Вседержителя попало несколько капель настоящего вина. Они никогда не станут ни сицилийцами, ни, хотя бы, итальянцами!

– Но мы раскололи этот орешек, – продолжил Паоло. – Армянин больше не будет выказывать нам свою непочтительность. Он пропал. Прилетел к русским медведям в свою любезную Москву – и пропал. Русские копы сбиваются с ног, но всё без толку.

– Как же – как же, такая неприятность! – Дон сочувственно пощёлкал языком. – Вот к чему приводит глупое своево-

лие. Сидел бы в Париже, в своем антикварном салоне, да делал, что советуют знающие люди!

Губы Паоло скривились в презрительной ухмылке:

– Эти чертовы армяне – жадные, как евреи! Ни с кем не хотят делиться!

Дон Винченцо рассыпался благодушным смешком:

– Я, мой мальчик, не пархатый еврей, не вонючий армяшка и не какой-нибудь протестантский педрила, а чистокровный сицилиец и добрый католик. Но клянусь Большим жури присяжных: в жизни не поделился ни с кем и ни разу! Правда, я знаю секрет, как это делать, а наш антиквар – нет. Вот почему у меня серьезный бизнес от Сингапура до Аргентины, а этот армянский скунс гниет в вечной мерзлоте у русских людоедов!

На кончике его толстого носа красовалась огромная бородавка, ошетилившаяся чёрными волосками. Удалить ее было парой пустяков, но преданность своему сомнительному украшению являлась одной из причуд пожилого джентльмена. А может, он демонстрировал: «Плевал я на ваши вкусы. Нравится вам или не нравится, будете любоваться моей бородавочкой. А захочу – так станете ее целовать!». Про себя Паоло так его и называл – Мистер Бородавка.

Сейчас вокруг них расстилалось безлюдное пространство, заполненное останками «фордов», «кадиллаков» и «бьюиков». Казалось, жилой фургон на Бруклинском автомобильном кладбище – не лучшее место, где бы мог обсуждать дела

глава Синдиката (как именовал свою корпорацию дон Винченцо). Но это – только на первый взгляд.

Сам фургон, затерявшийся среди хребтов и отрогов автотрассы, был обнесён колючей проволокой и охранялся свирепых доberman-пинчеров. (Доберманы выставались напоказ – в отличие от дежурной группы снайперов – рассредоточенной по «точкам» и закамуфлированной). Помимо этого, он был напичкан самой современной аппаратурой, которая обеспечивала первоклассную связь и практически исключала любые формы электронного шпионажа.

«Кладбищенский» вагончик давно выполнял функции штаб-квартиры Синдиката. Именно он служил мозговым центром корпорации, а зеркально-полированный центральный офис, кишачий «топ-модельными» секретаршами и мордастыми секьюрити, существовал больше для отвода глаз.

Бородавка всегда отличался чертовской дальновидностью и звериным нюхом. Благодаря чему не упокоился где-нибудь на дне Гудзона и даже не просто выжил, а превратился из рядовых «торпед» в незаурядного бизнесмена.

Раньше своих коллег он понял: эра старой доброй Мафии катится к закату. Вито Дженовезе, Аль-Капоне, Фрэнки Костелло были, конечно, славными парнями, но теперь, дьявол подери, в гольф играют по другим правилам. Нет: разумеется, дон Винченцо не то что бы начисто отрёкся от опы-

та достопочтенных предшественников. Ежели какой-нибудь сукин сын надумает крысятничать, то милое дело – украсить его «сицилийским галстуком» и замуровать в фундамент нового «Хилтона». Но вместе с тем...

Бородавка не стал пробиваться в Капо де тутти капи – Верховного босса всей американской мафии. Его не волновали ветхозаветные титулы. («У меня на эту фигню не стоит!» – говаривал дон Винченцо.)

Не растрчивая сил на войну с другими кланами, он безжалостно перекроил своё «дело» в соответствии с духом завтрашнего дня. Решительно отрёкся от традиционного криминального бизнеса – тотализаторов, наркотиков, контрабанды оружия... На месте типичной сицилийской «Семьи» по кирпичику выстроил могущественную транснациональную корпорацию.

Винченцо Фраскезе и сам давно не воспринимал себя сицилийцем. Он уже тыщу лет не всплескивал руками, не кричал: «Порка Мадонна!». Могучий темперамент Бородавки не взрывался аппенинским фейерверком, а тлел под спудом. И, бывало, живьем сжигал тех, кто по наивности принимал улыбчивое спокойствие Дона за чистую монету.

В равной степени дон Винченцо не ощущал себя и американцем, – хотя каждое утро вздымал над собственной виллой звездно-полосатое полотнище. Он сделался гражданином человечества, магнатом-космополитом, ежедневно отслеживающим свои и чужие дела в Амстердаме и Осаке, Лос-

Анджелесе и Претории, Москве и Сиднее. Пребывая в благодушном настроении, он именовал свою корпорацию Армией Спасения. («Спасения мира от лишних денег!» – добавляли под шумок смельчаки из его приближенных.)

В отличие от других транснациональных акул, Мистер Бородавка подгробал под себя нефть, уран и алмазы только между делом. Главным образом бизнес Дона был нацелен на шедевры человеческого гения. Его «полем для гольфа» стали полотна великих мастеров, античные статуи, древние манускрипты... – всё, что находило самый живой спрос и на мировых аукционах, и – минуя аукционы – у богатейших людей планеты. С подачи своего создателя Синдикат исповедовал истину: искусство, уникальное мастерство и интеллект – вот главные товары новой эпохи.

– У меня теперь стоит только на духовные ценности! – скалил незаурядные челюсти старый аллигатор. – Особенно на эту бабёшку из Лувра. Как ее там? Ах да, Джоконду!

Вот и сейчас Синдикат уладил одно небольшое дельце с владельцем крупного антикварного салона в Париже, дерзнувшим не подчиниться указаниям «Армии Спасения».

– Ладно, Паоло, насчет армянина – понятно. А теперь давай, сынок, рассказывай: с чем пожаловал? – скрипнул благодушно Бородавка.

– Дон Винченцо, прошло уже больше месяца, как я подал вам проект создания Русского филиала. Русский рынок откроет перед нашим бизнесом стратегические просторы, а мы

всё тянем с его освоением. Вас что-то не устраивает в моих предложениях?

Аллигатор обволакивал элегантного заместителя удушающей ласковостью Санта Клауса:

– Паоло, мальчик, ты делаешь всё безукоризненно. Клянись Большим жури присяжных!

Слишком безукоризненно, дьявол подери! – добавил про себя Бородавка. Он едва выносил этого лощеного педрилу. И дело не в том, что предки Паоло были задрипанными неаполитанцами. (Если понадобится, Большой Босс приблизит к себе хоть вонючего малайца.) Этого яйцеголового умника он сделал своим заместителем только потому, что старался отделять бизнес от эмоций: в деле не должно быть ничего личного! Но «гарвардскую вонючку» подле себя всегда только терпел.

– Дон Винченцо, деньги проплывают мимо корпорации! Сколько уже уплыло, когда наша морская пехота распатронила дворцы этого чёртова Хусейна! Из Ирака не тащит только ленивый, а мы остаемся в стороне – и теряем миллионы...

То, что он сейчас говорил в глаза Дону, было изрядной дерзостью. Но Паоло душила лютая злоба: старый индюк с его тремя классами католического приюта ни на йоту не смыслит в искусстве, но боится выпустить хотя бы крохотный рычажок из своих потных лап! Между тем набрали силу молодые волки, и первый среди них – он, Паоло Банделло.

Конечно, бережёного Бог бережет, и лучше бы прикусить язык. Но, понимая, что делает глупость, Паоло перечислял Боссу все его промахи:

– В Колумбии мы погнались за дешевизной, доверили дело дилетантам, и они провалили элементарную операцию. В итоге арестована партия из двенадцати полотен: Дали, Моне, Эль Греко... В Турции мы позорно упустили три работы Пикассо. А сотни картин и скульптур, которые Гитлер награбил у евреев? Сегодня их уже внесли в «чёрный список». Значит, завтра все это будет изъято из музеев Линца и Граца, распылится по частным коллекциям, а мы опять считаем ворон! И вот теперь ещё Россия, которую мы никак не хотим прибрать к рукам. А это вам не паршивый Ирак: тут – Кандинский, Шагал, Малевич, не говоря о старых фламандцах, мастерах итальянской школы, импрессионистах...

Старый Дон, поглаживая знаменитую бородавку, до конца выслушал горячащегося заместителя. И, озарив очередной рождественской улыбкой, потрепал по плечу.

– Справедливо! Справедливо говоришь, сынок! За последнее время мы несколько раз капитально лопухнулись. А проект твой я подписал: открываем Русский филиал (у меня тоже стоит на это дело!). Просто тебе не сказал – позабыл, что со старика возьмёшь?

Приобнимая Паоло, Бородавка подвел его к дверям:

– Ступай, сынок! И передай привет маме. Скажи – на днях непременно загляну отведать ее изумительного тимбалло ди

ризо!

* * *

Подбирая полы белого плаща, элегантный заместитель Босса шел через двор к своему кадиллаку. Он шагал упруго, казалось – планета отскакивает от подошв его лакированных туфель.

Повертим и планетой, дело нехитрое! Паоло знал: ещё пара дней – и он станет Большим Боссом и произнесёт почувствованную речь над дорогушим гробом, в котором упокоится Его Величество Бородавка. Недолго осталось старому дрючку командовать «Армией Спасения»! Заказ уже размещён. Специалист нездешний: прилетит из Пармы, сделает дело и в тот же день покинет Старый Свет. А он, Паоло Банделло, встанет, наконец, во главе корпорации.

Стив «Гаденыш», шофер-телохранитель, пожёвывая спичку, выскочил навстречу шефу, распахнул заднюю дверцу. Второй бодигард, Чарли «Кочерыжка», как и положено, занял позицию подле заднего сиденья лимузина. Когда Паоло оказался в шаге от кадиллака, верный Стив выронил из зубов обслюнявленную спичку, и на его низком лбу, над переносицей образовалось круглое отверстие.

Паоло хорошо знал, отчего на лице у человека появляются такие маленькие аккуратные дырочки. Но сейчас не успел ни удивиться, ни испугаться. Потому что секунду спустя дру-

гой снайпер нажал на крючок – и несостоявшийся Дон, догоняя «Гадёныша», отправился в самую дальнюю дорогу. Белоснежный плащ нелепо разметался среди ржавых луж старого автомобильного кладбища.

Чарли «Кочерыжка» открыл багажник и принялся деловито укладывать в него два безжизненных тела.

Быстро управившись (дело привычное!), «Кочерыжка» уселся за руль – и машина плавно тронулась с места.

Босс созерцал эту сцену на одном из шести мониторов, дающих панораму вокруг «фургончика». Когда кадиллак скрылся из вида, дон Винченцо хмыкнул:

– Что, Паоло? Пободаться со мной решил, заказал старого Фраскезе? Сильно же у тебя стояло на мой Синдикат! Но тут ты, дьявол подери, капитально лопухнулся. Так-то, сынок!

Доска объявлений

Транснациональная корпорация «Армия Спасения» объявляет вакансию на замещение должности первого заместителя Большого Босса. Гарвардских вонючек просим не беспокоиться.

Резюме и портфолио высылать в Департамент по работе с персоналом, Чарли «Кочерыжке».

Глава 7

СНЫ О КИТЕЖ-ГРАДЕ

(Санкт-Петербург, 1999 год)

Из трясины, ощетинившейся гнилым осинником, глухо простонал филин. Да нет, какой там филин: до ночи ещё несколько часов! То другая какая-то нежить голосок богомерзкий подала.

Глеб Платонов считал себя современным человеком, лишенным бабкиных суеверий. Да и звание кандидата исторических наук тоже к чему-то обязывает! И всё же от болотного стога по спине просвещённого кандидата пробежал холодок. Померещилось, будто ядовито-зеленая кочка ожила, задрала к небу косматую морду и на такой вот ноте излила тучам вековечную тоску-обиду. А может – прохрипела проклятие вслед двуногому чужаку, которого занесла нелёгкая в ее сумеречный мир. Глеб уже ничему не удивлялся. Впервые за все свои двадцать семь лет он оказался в Ветлужских лесах, а вот – шагает себе так, словно в каких-то прошлых жизнях исходил эту чащобу вдоль и поперек!

Батыева тропа змеится, виляет зигзагами – не то ведет к заветной цели, не то заманивает в зыбкое царство блуждающих огней, готовя незваному гостю погибель медленную и

жуткую.

Само имечко тропы – Батыева – холодит душу. Смутная дорожка, окроплённая кровью, предательством, злом! Много веков назад ее тайну выдал супостатам батыев пленник Гришка Кутерьма. Выдал и по стежке этой привел орду низкорослых лучников к граду Китежу, красивому и богатому, поднявшемуся среди Ветлужских чащоб, над гладью Светлояр-озера.

Не дался гордый Китеж кровавому татю: обратили горожане мольбу к Спасителю – и тот их услышал. Яростно, могуче вырвались из мостовых, из-под срубов и теремов подземные реки, тысячи ключей-родников. Обильные потоки отогнали пришельцев в пестрых запашных халатах, а сам город надёжно сокрыли в своей пучине, недоступной ни хану, ни его темникам...

Уже и заря отгорела, когда завершился, наконец, Глебов путь – кончилась тропа, оборвалась у водяного среза. Вот какое ты, озеро Светлояр!

Первая звезда проклюнулась в темнеющем небе. Налилась силой крутобокая луна, проложила через водную темь серебряную дорожку – словно бы позвала продолжить путь. Обманная эта луна, манящая дорожка и зябкое естество заповеданного озера затеяли с Глебом игру. То ему чудилось – высвеченный лунными бликами, проступает из студёных глубин силуэт собора, осенённый крестом. То слышался приглушённый звон с колоколен шести Китежских церквей.

То казалось, будто не лучи небесной искусительницы разбежались по водному зеркалу, а там, под многотонным спудом, движутся живые огни – свечи горят в руках у божьих ратников, бредущих крестным ходом сквозь придонные течения, через омуты и водовороты. . .

Глеб замер потрясённо, вглядываясь туда, где временами проступали, временами таяли контуры собора. И даже не заметил, как на глаза набежала непрошенная слеза, а губы стали вдруг читать молитву, которой он дотоле и ведать не ведал. Зачарованный путник то шептал малопонятные слова, то выкрикивал их срывающимся голосом. И голос его сливался с шелестом берёзовых крон, с нарастающим благовестом подводных колоколов.

Но тут ветер оборвался, смолкли Ветлужские чащи, а звон сделался отчётливым и чистым. И собор прорисовался весь, до стрельчатого оконца, и пламя свечей в руках людской череды вспыхнуло пронзительно-ярко. Потому что Светлояр-озеро раздвинулось в стороны и явило Глебу полночный город его мечты. А высокая звезда протянула свой луч к берегу и повела вниз – на деревянную мостовую, под сень белостенного собора.

Подчиняясь небесному велению, Глеб радостно шагнул по лучу навстречу граду Китежу. И обрушился в пропасть – чёрную, как озёрный омут, и бездонную, как звёздное небо над Светлояром. Он хотел закричать, но крик застрял внутри, распирая грудь, ломая ребра, удушая его, Глеба Плато-

нова...

...Он разлепил глаза в тихой спальне, но сердце ещё колотилось бешено, не смея поверить в этот покой, в мирное тиканье будильника. Глеб провёл рукой по глазам. Ладонь стала мокрой. Видно – впрямь плакал во сне, пока читал ту молитву, слов которой прежде не знал, а сейчас не вспомнит. А может, это капли озерной влаги, прощальный поцелуй студёного Светлояра?

Глеб нащупал торшер, зажёл свет. И побрел в кухню, где долго, запрокинув голову и судорожно двигая кадыком, пил воду из чайника. Сегодня у этой воды отчего-то был легкий привкус тины.

* * *

Глеб Платонов уродился под стать отцу: та же светлая голова, та же фамильное упрямство, та же гордо выпирающая челюсть. Лишь на «белокурую бестию» Платонов-младший не тянул: природа наградила его жгуче-смоляными волосами, за что с детства получил кличку «цыганёнок».

Мать свою Глеб не помнил: умерла при родах. С отцом же отношения не сложились напрочь. Тот постоянно давил на сына, пытался лепить по собственному разумению. Только нашла коса на камень: непокорный отпрыск не желал служить комком глины в руках властного папаши.

Решающая размолвка произошла, когда возмужавший на-

следник известил родителя о жизненном выборе:

– Буду археологом. Уже документы подал в университет!

– На фига тебе этот долбаный кегельбан? – встал на дыбы профессор (светило! корифей информационных технологий!). – Ты же и математику, и физику – как свои пять пальцев! Да тебе, парень, сам Бог велел вприпрыжку бежать по моим стопам, кибернетику двигать вперед. Хватит дурыю маяться, пора выходить в Гроссмейстеры!

Но Глеб только бычился:

– Ты, батя, извини, конечно, но в гробу я видал твою кебенематику.

Ученая дискуссия стремительно набирала градус накала. В конце концов Глеб собрал тощий рюкзак, хлопнул дверью и с облегчением покинул отчий кров. В общагу его не поселили – с ленинградской-то пропиской! Пришлось снять однокомнатную малогабаритку на окраине Купчина, а для ее оплаты и прочего там пропитания устроиться грузчиком в мебельный магазин.

Ворочал шкафы и комоды, катая по лицу желваки: «Ни фига, батяня! Вот откопаю свою Трою, как Генрих Шлиман, – и стану Гроссмейстером почище тебя!».

Дела у Платонова-младшего на тёмной тропе научного кладоискательства и впрямь двигались неплохо. Такелажно-мебельные работы не помешали ему через пять лет получить «красный» диплом и поступить в аспирантуру. Тема будущей диссертации звучала так: «Фольклор, мифология и

памятники словесности как источники для археологической разведки».

Глеб мечтал отыскать следы легендарного града Китежа. Начинающий исследователь со всем энтузиазмом юности утонул в архивной пыли, перелопатил горы бумаг, и в конце концов раскопал-таки пару уникальных источников. А в результате защитил диссертацию, в которой доказывал: Китеж – самая что ни есть быль, только со временем она поросла травой забвения и до нас дошла уже в виде предания.

После успешной защиты свежеиспечённый кандидат наук и научный сотрудник уважаемого академического института, начисто оторвавшись от окружающих реалий, возмечтал: «Комплексная экспедиция! С развёрнутым циклом подводно-технических работ! В Ветлужские леса Нижегородской области, в район озера Светлояр!».

– Бог с вами, Глеб Георгиевич, окститесь! – развел руками благоволивший к нему директор института. – У нас ежегодное сокращение финансирования, плановые работы синим пламенем горят, а вы – со своими былинами! Если уж так приспичило – заарканьте богатенького спонсора и проводите на здоровье свою экспедицию. Так сказать, на средства частного капитала...

Попытки заарканить спонсора окончились ничем. Сыскался, правда, один банкир, который прямо с порога не послал его куда подальше. Почесал лысую башку, прикинул что-то и, наконец, хрюкнул скептически:

– о'кей – положим, вложусь я в эту твою мутоту. И, скажем, надыбаешь ты свой Китеж-таун. Ну? И дальше чего? Ты там себе монографию-хренографию сбациаешь, а мне с того что за прибыток? Большое русское мерси от широкой научной общественности?

Глеб пожал плечами. Он не знал, какой прибыток мог принести этому борову белокаменный город Китеж. Боров подсказал:

– Вот, к примеру, смогу я твой Китеж-сити приватизировать? Причём – за недорого – как бросовые земли под водоемом, не имеющим хозяйственного и природоохранного значения?

– Приватизировать? – удивился Глеб. – А зачем?

– Это уж – моя забота, зачем! – хмыкнул спонсор. – Музей там забацаю. Единственный в мире, полный эксклюзив! С экскурсиями на мини-подлодке. Для желающих – погружение с аквалангом в сопровождении гида-инструктора. За отдельную плату – возможность побрякать там в колокола. Представляешь? Да на твои подводные терема будут слетаться тугие кошельки хошь из Японии, хошь из Штатов!

Он ещё минуту посопел, покрутил колесики в лысой черепушке – и выдал резолюцию:

– В общем, так, светоч знания! Представляешь мне бизнес-план подводного туристического и торгово-развлекательного центра по полной программе. Мои орлы его обмаракуют – и тогда вернемся к нашему базару!

Устраивать из легендарного града новый Диснейленд Глеб не собирался. На сём он прекратил «хождения в капитал» и упрямо выпятил фамильную челюсть: «Ещё не вечер! Подождём, пока подвернётся случай!». И вот случай, кажется, подвернулся...

Доска объявлений

Приватизирую в натуре подводный Китеж, московский кремль, Россию. Бабки – сразу. Обращаться: Бизнес-центр на Лиговке, офис 13, спросить Эдика.

Глава 8

КАМИКАДЗЕ МЕЛИКЯН, МОНАХ ИЗ ШАОЛИНЯ

(Москва, 20.. год)

Его самолетик вломился в клочковатые облака. Видимость упала почти до нуля, но это не страшно: путь к «своему» эсминцу он найдёт и с завязанными глазами. Сегодня – главный праздник всей жизни. Его последний вылет. И топлива – только на дорогу «туда». Оттуда дороги уже не будет.

Это высокая честь – подарить свою жизнь императору, венценосному Микадо. И он, Мурасаки Хироси, выполнит долг с честью, как подобает сыну древнего самурайского рода.

Пробил покров облаков – и сразу увидел цель: ненавистный эсминец янки. Наконец, эти надутые индюки заметили приближение его самолета-торпеды, одинокой бабочки над пасмурным океаном: все зенитные пушки, все пулеметы нацелились в небо, истерически изрыгая огонь. Вспышки, расцветающие на окончаниях дергающихся стволов, очень красивы. Они напоминают розовые лепестки сакуры, уносимые порывом тайфуна. И залпы эти так же бессильны против него, лейтенанта 3-й эскадрильи сводного отряда император-

ских лётчиков-камикадзе, как нежные лепестки, влекомые ветром.

Вот он, серый борт корабля американских ВМС. Сейчас я пробью эту мертвую сталь! Пропорю холодную броню корпусом своей машины, собою, своим сердцем и своим кендзё – нестигаемым духом самурая. Здравствуй, прекрасная смерть во имя великого императора, во имя любимой Страны Ниппон!

Нет: это – не смерть. Это – другая жизнь, другое время и другой самолет. Я – Шарль (Ашот) Меликян, француз армянского происхождения, антиквар и искусствовед с мировым именем. Вылетел Боингом «Эр Франс» из залитого огнями аэропорта Орли и уже через три часа приземлюсь на бетонном поле «Шереметьева». Я везу подписанный мною договор. Долгожданный договор, который полтора года уточнялся с российским Министерством культуры. Но почему в сердце нет радости, почему так тревожно? Что: опять в затылок дышат эти корректные бандиты, которые норовят выкрутить мне руки, поставить под свой контроль? Не дождутся, моя коммерция всегда была свободна от грязи!

Чтобы успокоиться, он предался любимому занятию – смежил веки и начал представлять себе холсты, перед которыми всегда благоговел. Бездонные пропасти, растворённые в сумраке полотен великого Рембрандта. Безудержный карнавал красок жизнерадостного Сарьяна. Космические туманности Моне...

А это что за чушь? Откуда?! Вместо благородных полотен, нагло оттесняя Боттичелли и Тулуз-Лотрека, выплыла примитивная, как табурет, цветная фотография. Портрет Валерия Фатеева, русского президента.

В Малом выставочном зале Московского Манежа открывается временная экспозиция «Мировые шедевры изобразительного искусства». В числе главных шедевров, созданных гением человечества, будут представлены «Возвращение блудного сына» Рембрандта Х. ван Рейна, «Сикстинская мадонна» Рафаэля Санти и фотопортрет президента РФии..

Стоп! Что-то не так. Сбой на линии!

...Подполковник Ледогоров разлепил глаза. Нет: он не спал. И спать категорически не мог, поскольку пребывал на рабочем месте. То есть – развалился в кресле, «по-американски» закинув ноги на письменный стол и вперив немигающий взор в висящую напротив картину.

Строго говоря, это была даже не картина, а начертанные кисточкой иероглифы – трёхстишие, исполненное чёрной тушью на голубом шелке. Его Весёлому Роджеру подарил, сопроводив десятком поклонов, один фирмач из Киото.

Сколько же лет прошло? Двенадцать? Пятнадцать? Но подполковнику это видится, как сегодня: мелкое крошево оконного стекла усеяло мокрый московский асфальт, и четверо энергичных южан, притихших под дулами автоматов подле расхристанного «интуристовского» автобуса. А в сто-

ронке жмётся стайка вусмерть перепуганных японцев, которых Ледогоров и его товарищи по команде «Альфа» только что выцарапали из лап террористов. И запах, отчётливо ощущаемый запах смертельной опасности и животного, нутряного страха.

Спустя пару дней, благодарный гость из Страны Восходящего Солнца нанёс «альфовцам» визит вежливости. Принять интуриста поручили капитану Ледогорову – как командиру группы и как «профессору иностранных языков».

Японским, правда, капитан не владел, но сопровождавший визитера толмач пояснил, как переводится преподнесённое трёхстишие:

Упавший лист
Опять взлетел на ветку.
То бабочка была.

Любовью к Востоку Алексей Ледогоров проникся ещё в шестилетнем возрасте, слушая рассказы отцова брата – ученого и путешественника. И поныне, в свои сорок два года, подполковник не растерял детской привязанности к восточным цивилизациям. Когда выдавалась свободная минута, он обожал уйти отрешённым взором в эти иероглифы – то несмело разворачивающиеся, подобно набрякшим бутонам сакуры, то яростно разлетающиеся, как ошмётки самолета, протаранившего американский эсминец. Погружаясь, согласно канонам медитации, в магический танец японской

туши, Весёлый Роджер словно бы растворялся без остатка. В этой картине. В письменах далекого островного народа. В чашечке теплого саке, которое выпивал пилот-смертник перед последним вылетом. . .

А потом – всегда неожиданно – возникал этот вихрь, подхватывал Роджера, уносил во вселенскую ночь – такую темную, бездонно-пустую, что в ней не было ни света звезд, ни мыслей, ни чувств, – ничего.

И откуда-то из недр космического небытия неожиданно выплывало озарение. Ночь нашёптывала подполковнику, что тайник с пластитом следует искать в аптеке у тишайшего фармацевта Ахундова. Или что убийство московского коллекционера связано с «Загорским архивом» – собранием уникальных полотен, которое потихоньку растаскивается и контрабандно переправляется из России.

А сейчас? Когда очередной сеанс медитации подвел Роджера совсем уже впритык к тайне парижского антиквара, Океан Космической Информации вдруг выдал крупным планом физиономию Большого Папы!

От досады Роджер смачно плюнул в корзину для бумаг.

Подполковник не любил президентов. Он вообще исповедовал убеждение, что Россия созрела для президентов и парламентов так же, как паровоз Черепановых – для антигравитационного двигателя. Нет: Алексей Ледогоров не был солдафоном с мозгами, вытесанными каменным топором. Как раз солдафоны-то его и недолюбливали – считали гнилым

интеллигентом и вообще «сильно умным». Ибо в активе у Весёлого Роджера имелись два высших образования плюс свободное владение английским, испанским, суахили и пушту.

Плюнув в корзину и тем выплеснув ненужные эмоции, подполковник снова сделался невозмутим, как Будда в благоуханном цветке лотоса. И продолжил разгадывать шараду: с какой такой радости к нему вдруг выплыл пресветлый президентский лик? К чему бы? Да, Лёха: придется почесать извилины!

Но «почесать извилины» ему не дали. Повелительно прозвенел телефон, и голос, исполненный значительности, оповестил из трубки:

– Товарищ подполковник, это приемная директора. Вас срочно вызывает Виктор Павлович.

Чудны дела твои, Господи! С каких это пор Главный Шеф напрямую приглашает к себе недостойного опера, хотя бы – и «важняка»? На всякий случай подполковник уточнил:

– Документы какие-нибудь захватить с собой?

– Насчёт документов распоряжения не было. Давайте быстрее, директор ждет!

...Главный Шеф был суров и напряжён. Немногословно изложив экспозицию насчёт ультиматума президенту, протянул тощенькую папку:

– Вот вам исходные данные. Продумайте версии и набросайте план действий. Работать будете в автономном режи-

ме. Свои соображения сегодня же доложите мне. А после моего утверждения – лично президенту страны. Выезжаем в Кремль... – директор бросил взгляд на электронный таймер, – через два-тридцать восемь. В 18.00 прошу быть у меня в приёмной.

«Вот откуда выплыл портретик тот цветной! – размышлял старший оперуполномоченный, возвращаясь к себе бесконечными коридорами Лубянки. – Да уж: тут все Рембрандты и прочая мелюзга – брызгайте в стороны перед господином Фатеевым, нашим Большим Папой!»

Нет: Алексей Ледогоров положительно не любил президентов!

Свежая пресса

В Малом выставочном зале Московского манежа открывается экспозиция «Мировые шедевры изобразительного искусства». В числе главных шедевров человеческого гения представлены: «Возвращение блудного сына» Рембрандта Х. ван Рейна, «Сикстинская мадонна» Рафаэля Санти и большой фотопортрет Президента Российской Федерации В.Ф. Фатеева работы мастера Х.Х. Волосюка.

Москвичи и гости столицы смогут посетить выставку на протяжении 10 дней, после чего она переедет на невские берега.

«Вечерняя Москва»

Глава 9

БИЗНЕС «TOP SECRET»

(Санкт-Петербург, 1998 год)

Вадика Славкина Глеб не то что бы презирал, а просто не считал за человека. Бабник и пустобрёх, Вадик был младшим научным сотрудником по должности и разгильдяем по призванию. Несмотря на наличие папочки – замдиректора по административно-хозяйственной части, он так и не смог слепить маломальское подобие кандидатской диссертации и всё бегал в мэнээсах. Впрочем, ученые степени и прочая мура волновали Вадика куда меньше, нежели пухлая попка папиной секретарши Веронички или очередной пикник-чок-шашлычок.

С этим жирным слизняком Глеб не якшался. И был немало удивлен, когда тот, колыхая всеми тремя подбородками, в коридоре окликнул:

– Платонов, погоди! Дело есть!

– У тебя – дело? – Глеб надменно поднял смоляные брови. – Ко мне?

– К тебе, к тебе! – заверил жирняга. – Слушай сюда! Я тут наемни в одной компашке релаксировал и там познакомился с классным мэном. Фирмач, штатник. Не первой, прямо

скажем, молодости, но нам с тобой ещё фору даст. Бронтозавр! Умница! Плейбой! За столом всех перепил, потом затеял бороться на руках – так никто против него и полминуты не продержался!

А уехал под ручку с двумя телками, которые ему в дочки годятся, – завистливо вздохнул младший научный сотрудник.

(Надо признаться, что Славкин несколько покривил душой. Со «штатником» его познакомила вездесущая секретарша Вероничка, а потом уж тщеславный Вадик сам затащил нового знакомого в тёплую компанию – блеснуть перед бомондом своими заокеанскими связями.)

– Это ты, Славкин, чего-то напутал! – усмехнулся Глеб. – Бронтозавр не может быть умницей. А умница – бронтозавром.

– Да накласть! – отмахнулся легкомысленный Славкин. – Бронтозавр, сперматозавр, – какая разница? Главное – этот самый мэн (Диком его зовут) жаждет с тобой потолковать.

– Однако! – изумился Платонов-младший. – Интересно: от какой это болтливой задницы твой классный мэн узнал о моей скромной персоне?

– Да от меня, откуда ещё! – проигнорировав «болтливую задницу», тряхнул железными подбородками Вадик. – Не бойсь: ихние ЦРУ с ФБР на тебя ещё досье не завели – хоть ты у нас и такой подающий надежды!

– Ну? А ты какого дьявола про меня натрепался? – недоб-

ро повел челюстью Платонов.

– А ты что у нас, – огрызнулся Славкин, – особо засекреченный?

Но, наткнувшись на взгляд собеседника, сменил тон:

– В общем, дело твоё. Но имей в виду – мэн серьёзный. Давай встретимся, потолкуем. А чего ты, Платонов, теряешь? Послать его на родной Потомак всегда успеешь!

Глеб задумался. Действительно: он тут ровным счетом ничего не терял. Ну а прояснить причину интереса со стороны заокеанского фирмача – все-ж-таки любопытно!

– Да! А на каковском мы с ним тарабанить-то будем? Я ж по-английски не шибко спикаю...

– Зато он по-русски – очень даже шибко! Так что твоё спиканье убогое ему и на фиг не нужно! – заверил Вадик.

Платонов-младший решительно кивнул черноволосой головой:

– Замётано! Подавай, Славкин, своего полиглота!

– Вот и ладушки! – потёр Славкин пухлые лапки. – Завтра в полдень он ждет нас в своем номере. Отель «Невский Палас»!

* * *

Назавтра в двенадцать-ноль-ноль – под непременный пушечный залп с Нарышкина бастиона Петропавловки – исполненный важности пустобрёх Вадик ввел Глеба в по-

ду-люкс заокеанского «мэна».

«Мэн» оказался стройным мужиком с загорелым, слегка морщинистым лицом. Глеб как на него глянул, так и охнул (разумеется – про себя). Среди любимых им фильмов с детства числился старый американский вестерн «Великолепная семерка». Платонова-младшего особенно впечатлял там колоритный актер Юл Бриннер, игравший джентльмена удачи по имени Крис. Так вот сейчас перед Глебом предстал этот самый Крис собственной персоной: бритоголовый, гибкий, как ивовый прут, с острыми глазами и улыбкой обаятельного убийцы – Мистера Кольта, благородного защитника обездоленных.

Мистер Кольт легко выбросил себя из глубокого кресла, шагнул навстречу гостям. И, не замечая выдвинувшегося вперед Славкина, протянул руку Глебу:

– Вот вы какой, мистер Платонов? Рад познакомиться!

Глеб полагал, что пребывает в неплохой физической форме, но рукопожатие радушного ковбоя напомнило ему пыточную колодку.

На низком столике подле кресел пузатилась бутылка «Джонни Уокера» с голубой этикеткой – самый дорогой вариант именитого пойла. Тут же стояло несколько тарелок с орешками кешью и прочей необременительной закуской, а над ними возвышалась в почётном карауле пара бутылок содовой. Вадик совсем уже решил обидеться на невнимание хозяина, как вдруг узрел благородный напиток. И тут же рас-

плылся в улыбке, которая привела его щеки добропорядочного хомячка в усиленное колебательное движение.

Но, как выяснилось, улыбался и колыхался он преждевременно. Хозяин своей стальной дланью не слишком деликатно подхватил Вадика под студенистый локоток и препроводил к двери:

– А вас, my friend, я благодарю за то, что привели своего коллегу. Теперь у нас с мистером Платоновым состоится конфиденциальный разговор. Как говорят на моей далекой родине – top secret! Так что всего хорошего. Бай-бай!

И вытурил опешившего Славкина, напоследок не то фамильярно хлопнув по плечу, не то пихнув в распахнутую дверь.

Обернулся к изумлённому таким началом Глебу, одарил улыбкой в тысячу свечей:

– О'кей, мистер Платонов! Теперь мы можем поговорить в доверительной обстановке. Располагайтесь, плесните себе виски, а я принесу льда!

На русском он и впрямь излагал почти безупречно – если бы не легкий, но, всё же, ощутимый акцент. А гость, подуставший от нескончаемого «мистера Платонова», попросил:

– Зовите меня Глеб, мистер...

И тут вспомнил, что пустобрёх Славкин не сообщил ему фамилию «мэна». Но благородный ковбой моментально пришел на помощь:

– Дик. Просто Дик!

Наконец, высокие договаривающиеся стороны утонули в мягких креслах и синхронно забренчали кубиками льда по стенкам широких стаканов, на четверть наполненных англосаксонской самогонкой высшей очистки. Хозяин полу-люкса ещё с минуту очень уж по-простецки (рубашка-парень, свой в доску!) разглядывал гостя. Затем пригубил виски и сразу взял быка за рога:

– У меня к вам, дорогой Глеб, деловое предложение. Мы с вами открываем в России совместный бизнес. Маленькая, аккуратная фирма и только два компаньона – вы и я. Третий (кивок на дверь, за которой канул в Лету оплётанный Славкин) нам не нужен: на троих соображать не будем! Га-га-га!

Дик как-то неожиданно и неуместно раздражался жизнерадостным гоголом, напрочь убивающим всё его обаяние. Быть может, он вырос на ранчо под такое вот ржание мустангов (или кто там ещё у них бегают под седлом?). Но Глеб не стал отвлекаться на посторонние размышления:

– Создать фирму? Со мной на пару?

Хозяин по-своему расценил его колебания:

– Не волнуйтесь, my friend! От вас не потребуется ни стартового капитала, ни паевого взноса! Свою долю в уставный капитал вы вносите собственным интеллектом и профессиональной квалификацией. Все расходы по оформлению фирмы также беру на себя.

Платонову-младшему хотелось себя ущипнуть: не сон ли?

Что за добрый Санта Клаус вспомнил вдруг о нем, недостойном?

– Вам необходимы мои квалификация и интеллект?

– Мне необходим русский партнер. К тому же – профессиональный археолог. Но об этом позже. Сперва хочу обговорить одну особенность нашей будущей фирмы. Видите ли... – Дик сделал крохотную паузу, – свой бизнес мы построим по законам айсберга. (Но не Вайсберга! Га-га-га!) На поверхности – только верхушка, а девять десятых скрывается в глубине.

– Что, бизнес нелегальный? – уточнил Глеб.

Американец поморщился:

– Да нет же, абсолютно легальный! На одну десятую. Которая – над водой. Но мы-то, my friend, – старые подводники! Га-га-га!

– На одну десятую, – повторил Глеб. – А остальное?

– А остальное – это, дорогой Глеб, наша с вами маленькая коммерческая тайна! Top secret!

– Это как же? – нахмурил брови «дорогой Глеб». – На одну десятую будем производить кукурузные хлопья, а на девять десятых – героин?

– Побойтесь Господа! – американец протестующе воздел руки. – Никаких наркотиков! И вообще – никакого криминала! Но... позвольте мне быть с вами откровенным до конца. Мы же, черт побери, партнеры! А мой принцип: «Перед партнером – все карты на стол!». (Кроме джокера, которого

ты прячешь в рукаве. Га-га-га!)

Русский «партнер» с каменным лицом выжидающе смотрел на развесёлого собеседника. И продолжение последовало. На протяжении ближайших сорока минут Глеба бросало то в жар, то в холод. Закручивался сценарий покруче «Великолепной семерки»! И Крис в ней останется прежним Крисом. А вот кем станет он, Глеб Платонов? Какая роль отводится ему в странноватом бизнесе «Top secret»?

Знакомства

Симпатичная кобра, жгучая брюнетка, без вредных привычек мечтает соединить свою жизнь с любящим, интеллигентным кроликом, нацеленным на долговременные, серьёзные отношения. Уровень доходов не играет роли.

Глава 10

ЖИВЫМ НЕ БРАТЬ

(Москва, 20.. год)

Улицы Первопрестольной были размыты сумерками, наполовину разбавленными обманчивым светом фонарей. Вся эта серо-желтая акварель проплывала за тонированными, сверхпрочными стёклами, которые не по зубам и автомату Калашникова – всемирно популярному достижению российского технического гения. Привольно разместившись в недрах чёрного бронированного лимузина, бок о бок с Главным Шефом, Ледогоров катил с родной Лубянки в Святая Святых.

Старший опер-«важняк» отнюдь не трепетал от гордости в связи с предстоящей аудиенцией. Понимал: если верховный главнокомандующий назначает встречу одному из тысяч своих подполковников, значит, подполковнику этому судьба-индейка приготовила совсем уже крупную подлянку.

Впрочем, и грустить по этому поводу он также не собиравался. И сейчас, в преддверии встречи с президентом, Весёлый Роджер, по всегдашнему своему обыкновению, держал хвост пистолетом. Он даже начал про себя подмурлыкивать:

В Кейптаунском порту
С какао на борту
«Жанетта» поправляла такелаж.
Но прежде, чем уйти
В далекие пути,
На берег бык отпущен экипаж...

Эта абсолютно безыдейная песенка, любимая с юности, сопровождала Роджера всегда и повсюду. Именно ее он орал, оскалив зубы, когда среди крошечного пекла отбивался короткими очередями от смыкающих кольцо сомосовцев. Впрочем, подопечные Роджеру сандинисты пребывали в неколебимой уверенности: камарадо Алехандро (под этой кличкой Ледогоров был командирован в Никарагуа) выкрикивает высокие марксистские лозунги!

И вот сейчас, в начальственном лимузине, он тихохонько мычал под нос:

Идут, сутулятся,
Вливаясь в улицы,
И клеши новые ласкает бриз...

Впрочем, кажется, не вполне тихохонько. Ибо директор неодобрительно покосился на меломана в штатском. Но ничего не сказал.

Роджер хмыкнул: «Что-то Шеф не в меру толерантен! Видать, задание предстоит и впрямь аховое!».

«Н-да, Валера: делишки-то – аховые! – думал президент, водрузившись суровым утёсом напротив секретаря Совета безопасности Горобцова. – И не только эта катавасия с гадским ультиматумом, а вообще. Сидишь тут, словно в кабине бульдозера, разгребаешь наши всероссийские завалы дерьма, а их становится только больше. И сам ты – не президент, вроде, а самое что ни есть чмо болотное, Говночист Всея Руси. И бульдозер – аппарат твой государственный – тоже чмошный. На рычаги жмешь, а они-то – картонные! И никому об этом не расскажешь, – разве что во сне пожалуешься старому Черепаху Тортиллу – деду Анисиму, царствие ему небесное!».

– Значит, говоришь, послал нам этот «динозавр» свою анонимку из интернет-кафе, и никаких ниточек к нему не прослеживается? – глянул Фатеев на главу Совбеза. – А ракеты наши баллистические он каким макарком с боевого дежурства поснимал? Тоже из интернет-кафе? У них же, вояк наших, сеть – закрытая, в нее можно войти только со своих, минобороновских компьютеров!

– Что тут сказать? – пожал плечами Горобцов. – Не исключается, что этот парень имеет выход и на компьютеры нашего «Пентагона». Он, судя по всему, человек непростой...

– Да уж! – ощерился глава государства. – Простые чело-

вечки ядерными боеголовками не жонглируют и президентам ультиматумов не шлют!

И совсем уже обратился в грозовую тучу:

– А где у наших славных оборонцев их хваленое «горячее дублирование»? Почему не сработало, почему ракетный щит «обесточенным» оказался? И как это они не смогли вычислить свой же компьютер, с которого поступила блокирующая команда? У них что, спецы перевелись, или наши генералы совсем уже мышей не ловят?

– Да специалисты-то есть...

– Так в чем же дело, леший их бабушку дери?! – грохнул президент.

Его собеседник скорбно вздохнул:

– Бардак...

Тут у Фатеева заныло под ложечкой. Он люто ненавидел это слово, боялся его, считал самым заклятым, самым злокозненным своим врагом. Этот универсальный диверсант, не имеющий ни лица, ни имени, устраивает пожары на военных складах, валит наземь вертолеты, зимой оставляет без тепла микрорайоны, а то – и целые города. Гигантские комбинаты распродают по цене занюханной хлебопекарни? – Бардак. Деньги казенные миллиардами разворовываются? – Бардак.

Чиновные паскудники волокитят, без персональной мзды палец о палец не ударяют? – Опять же бардак.

Объяснение универсальное, на все случаи жизни. Произ-

несешь это шаманское заклинание – и, вроде, всё ясно, и виноватых искать не надо. У нас на Руси бардак повсеместен и, кажется, вечен. И при Юрии Долгоруком он был, и при Иване Калите, и даже при князе Всеволоде Большое Гнездо, наверное, тоже царил во всю Ивановскую.

Валерий Фатеев неплохо для дилетанта знал родную историю. И она его тоже не бодрила. Анна Иоанновна для увеселения души завела в столице слоновник. А дабы теплолюбивые индийские гости в нашем северном климате не простыли, повелела: каждому слону ежедневно спаивать по ведру водки – для сугреву. Не прошло и года, как последний исполин отдал Богу свою слоновью душу. Не морозов русских толстокожие гиганты не вынесли, а – русской водочки. Бардак!

Екатерина Великая уж на что женщина была основательная – и та аж три императорских указа накатала, один строже другого. Запрещаю, мол, своей монаршей властью, чтобы российские подданные забавлялись кулачным боем. А подданные как ходили стенка на стенку – так и продолжали ходить. И не где-нибудь втихаря запретной забавушкой душу тешили, а под самым царским носом: прямо в Санкт-Петербурге, на берегу стольной реки Фонтанки. И плевать хотели на всякие там царские запреты: русскому человеку и Государев Указ – не указ. Бардак? Бардак!

Вот и нынче – в новом, можно сказать, миллениуме – этот всемогущий и всепроникающий отечественный бардак по-

живает себе припеваючи и оказывается посильней его, президента державы. Фатеев частенько задумывался: а существовал ли бардак при Иване Грозном? Или, может, Иоанн Васильевич сумел-таки одолеть этого супостата: как кто-то чего не выполнит надлежаше – так сразу ослушника на кол сажал его неисполнительной задницей?

Тут же Фатеева посещала крамольная мысль: не худо бы и нам такой порядок устроить! Развел вокруг себя халатность, воровство и прочую разлюли-малину – скидавай портки и пожалуй на кол намыленный!

Ан нет, нельзя! Какие там колья? У нас расстрел – и тот под мораторием оказался. Мы ж – цивилизованные, политкорректные до рвоты! А что бардак у нас на каждом шагу, – так он, будем считать, цивилизованности нашей – не помеха...

Весь этот вихрь пролетел в президентской голове за считанные секунды. Фатеев кивнул нерадостно своему соратнику:

– Слушай, а на кой ляд нам твой Совет безопасности, коль у нас такой бардак творится? Тут уж что-нибудь одно: либо безопасность, либо бардак. Вот иди и маракуй: кто из вас двоих тут лишний – ты или он! Иди-иди, мне сейчас директора ФСБ принимать с его суперменом...

Встреча главного государственного мужа с отечественным Джеймсом Бондом протекала несколько сумбурно. В конце ее президент встал, протянул Роджеру неожиданно энергичную руку, глянул в глаза требовательно и, как тому показалось, немного просительно:

– Надеюсь, вы, подполковник, сознаёте, какая ответственность возложена на ваши плечи. На время проведения операции вы наделяетесь чрезвычайными полномочиями. В случае экстренной надобности можете выходить прямо на меня. В любое время дня и ночи. Необходимые координаты и телефон спутниковой связи вам передаст ваш начальник. Желаю вам..., – президент сделал секундную паузу и поправил себя, – всем нам желаю удачи! А сейчас прошу подождать в приёмной. Мне ещё надо парой слов перебраться с Виктор Палычем...

...Когда вернулись на Лубянку, Шеф, молчавший до этого всю дорогу, мотнул головой:

– Зайдёмте ко мне, Алексей Николаевич!

В кабинете дал вводную:

– Как я уже говорил, работаете в автономном режиме. Но совсем территориалов не обходите стороной, будете опираться на их банк данных. Да и машина под задом вам там, в культурной столице, не помешает. И вообще – мало ли что

понадобится! Им будет звоночек – чтобы питерские коллеги вам зеленую улицу обеспечили. И вот, держите: телефон спутниковой связи, высочайшая степень защиты.

Излагал скучно, заученно. Ледогоров понимал: это – так, предисловие. Но вот последовало главное.

– Итак, ещё раз. Это – особое задание, и оно не будет указано в вашем командировочном предписании, не будет зафиксировано ни в одной вообще бумаженции. Для всех в Конторе вы по-прежнему разрабатываете «картинную мафию». План оперативных мероприятий сдадите сейчас мне, и дальше – никакой документации, никаких отчётов! Рапорты – только в устной форме и только лично мне или, в крайнем случае, президенту. Ваша задача: вычислить и обезвредить электронного террориста.

Директор оторвал взор от сверкающей столешницы, тяжело придавил им Ледогорова:

– Подчёркиваю – обезвредить окончательно и бесповоротно! Учитывая повышенную опасность объекта для государства. Ни следствия, ни судебного процесса быть не должно. Надеюсь, вам не нужно разжёвывать это, подполковник?

Роджер только усмехнулся краем рта: заставлять начальство разжёвывать – последнее дело!

– На финальном этапе операции ваша задача максимально облегчается, – подсунул директор полусладкий пряник. – При ликвидации объекта можете не утруждать себя инсценировкой несчастного случая. Главное – гарантированный

итог. А на остальное наши доблестные милиция с прокуратурой закроют глаза, это уже моя забота.

Дальше произносились дежурные фразы, но Ледогоров в них не вникал. И так, вот оно – о чем президент не мог напрямую сказать подполковнику. В просторном кабинете витало под потолком, отбрасывало хмурую тень, хлопало перепончатыми крыльями нетопыря это не произнесённое вслух: найти и уничтожить. Живым не брать.

Книжные новинки

На прилавки отечественных книжных магазинов поступил новый бестселлер – трёхтомный труд «Бардак на Руси: от Всеволода Большое Гнездо до президента Фатеева». В Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске трёхтомник вызвал живейший интерес общественности и за первые два дня побил все рекорды по раскупаемости.

Глава 11

ГРОБОКОПАТЕЛИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

(Санкт-Петербург, 1998 год)

– Видите ли, дорогой Глеб, – начал Мистер Кольт голосом профессионального лектора...

Собственно, это и была лекция. Лекция об их будущем бизнесе «Top secret»:

– Официальная археология в ее классическом виде канула в прошлое. Глобализация и мировой рынок породили новую археологию, чрезвычайно эффективную. Чистоплюи и кретины зовут ее чёрной археологией. И только потому, что законы, принятые в большинстве стран, не успевают за нашим динамичным временем. В этом и заключается досадное противоречие, которое мы с вами, my friend, должны грамотно обойти. Вы, человек новой формации, прекрасно понимаете: в мире, который меняется с оглушительной скоростью, может выжить лишь тот, кто не закостенел в предрассудках.

Дик отхлебнул янтарного напитка, жестом предложив Глебу последовать его примеру.

– На всей планете поиск сокровищ превратился в мощнейшую отрасль индустрии. Индустрии обогащения. Согласно-

но статистике Британского музея, 99 процентов всех археологических находок сегодня совершаются практиками, которые не имеют ни диплома о базовом образовании, ни – зачастую – соответствующего разрешения. И это естественно! Ведь по данным ООН, чёрная археология входит в десятку самых прибыльных видов бизнеса. Этим-то и займется наша фирма.

«Так вот в какой вестерн тянет меня чертов Дик! Торговать родной историей на вынос!». Глеб напрягся, произвольно поиграл желваками. Но Дик увлёкся и, кажется, плевать хотел на мимику гостя:

– Позавчера, будучи в Москве, я заглянул на антикварно-художественную толкучку в Измайлове. Там открыто предлагают такие штуковины, которым место в экспозициях мировых музеев! Но эта розница, my friend, – так, мелочёвка. Главные потоки археологических ценностей уплывают через границу к нам на Запад (каналы давно налажены!). И там не расползаются по «блошиным рынкам», а поступают в солидные антикварные фирмы и выставляются на международных аукционах.

Глаза Дика постепенно обретали металлический блеск. Казалось, в них уже поселилось золото из могилы Чингисхана.

– Причем ваши «чёрные археологи» (у нас их окрестили «гробокопателями») даже не подпускают к своим раскопкам археологов официальных. Это – современные бизнесме-

ны, решительные и энергичные, они сосредоточили в своих руках все необходимое: организационные структуры, квалифицированных консультантов, поисковую технику и оружие. При этом заметьте, что российские, украинские и прочие местные законы препятствуют их деятельности только лишь формально.

Дик резко наклонился вперед, больно сжал Глебово колено:

– Вам, приятель, чертовски повезло! Сейчас вы видите перед собой одного из наиболее удачливых «гробокопателей» во всем Новом и Старом свете. Своей лопатой я перебросал едва ли не половину нашей занятой планеты: от Таиланда и до Бокас дель Торо. Не слышали про такое местечко? Это адская дыра на границе Панамы и Коста-Рики, обиталище оцелотов, всякой ядовитой сволочи и «лос тигрес» (Как это по-русски? Ах да – ягуаров!). Адское пекло! Там в тени переваливало за 140 градусов по Фаренгейту. На целом свете вы, my friend, не сыщете десятка археологов, которые побывали в Бокас дель Торо и вернулись живыми. Многие пытались там удачу, но вместо клада откопали себе могилу, сгнули в сельве. «Гробокопатели»-латиносы так себя и называют – уакеро. По-испански «уака» – могила.

Похоже, Дик перенёсся из питерской гостиницы в Бокас дель Торо, всеобщую братскую уаку:

– Вместе со мной там играли с Фортуной в рулетку ещё три уакеро. Мигель, Хосе и Энрико. Мигеля на вторую неде-

лю растерзал эль тигр. Вскоре за Мигелем отправился и Хосе: его в дальний путь спровадил золотистый листолаз. Маленькая такая тварь, вроде лягушки, только шкура покрыта смертельным ядом. Долше всех продержался Энрико. Но и того прикончила огромная анаконда. Она превратила беднягу в мешок с молотыми костями. Эта гадина была ярко-оливкового цвета с двумя рядами крупных бурых пятен вдоль спины, и было в ней добрых семнадцать футов. Больше пяти метров по-вашему.

– Вы так рассказываете, словно видели ее своими глазами! – заметил недоверчивый Глеб.

– Я ей и разнёс башку из автоматического карабина, – невозмутимо отвечивал Дик. – Так вот. Я задумал выгодное дело и приглашаю вас в компаньоны. Мы не будем рыться в ваших замшелых курганах, не станем гоняться за всякими там захоронениями сельджукских монет. Всё это – мелочь, а нам нужно сорвать большой банк!

– И вы даже знаете, где отыскать этот банк? – прищурился Глеб.

Разговор, который он сперва поддерживал из вежливости и легкого любопытства, неожиданно увлек «мистера Платонова», как несерьёзная, но азартная игра.

– Представьте себе, my friend, – знаю! – весело откликнулся удачливый уакеро. – Самый выгодный бизнес во всей «чёрной археологии» – поднимать драгоценности с морского дна. Сейчас под водой валяется больше трех миллионов

затонувших посудин! У нас в Америке для таких глубоко-водных работ специально создаются акционерные общества, располагающие солидным капиталом. (Вы будете смеяться, но цены на их акции просто взлетели, когда парни из Голливуда двинули на экраны своего «Титаника»!). Я готов тотчас вложить в этот бизнес все капиталы, что сбил за двадцать семь лет «гробокопательства». Наш проект принесёт сказочные проценты!

– Так что же за проект? – подстегнул собеседника Глеб (он уже несколько ошалел от уакеро, расплющенных анакондами, от роста котировок на акции и от парней из Голливуда с их «Титаником»).

– Не спешите, приятель! – усмехнулся деловой партнер. – Подлинный «гробокопатель» обязан обладать неистощимым терпением. Я пока не закончил с общим обзором.

И привёл ещё пару фактов с очень впечатляющими цифрами. Оказывается, испанский галеон «Эль-Пресьядо», затонувший в 1792 году в каких-то четырех сотнях метрах от пляжей Монтевидео, имел на борту 47 тонн золота, 147 тонн серебра, статую Девы Марии из чистого золота, а также всякие прочие изумруды и жемчуг. А лет 30 назад английские поисковые компании вкупе с советской фирмой «Госстрах» подняли пять с половиной тонн золотых слитков с крейсера «Эдинбург», который во Вторую мировую морские волки адмирала Деница отправили на дно Баренцева моря.

Но видя, что Глеб уже извертелся от нарастающего нетер-

пения, ветеран Бокас дель Торо снисходительно засмеялся:
– Всё! Всё! Переходим к делу!

Из огромного, как транспортный «Боинг», чемодана он извлек сложенную многократно карту и торжественно развернул ее на ворсистом ковре, подле Глебова кресла.

– Вот (видите?) ваше Азовское море, вот город Таганрог. А где-то тут в 1696 году затопили турецкую баркентину. Азовская крепость являлась стратегическим плацдармом, с которого Турция осуществляла экспансию вглубь русских территорий. Помимо мощной артиллерии и неплохого парусно-гребного флота, Азов располагал солидной золотой казной. К тому же, именно тогда в крепость были доставлены богатые дары: с их помощью султан намеревался подкупить казачьих атаманов, склонить к измене русскому царю.

– А теперь – внимание! – Уакеро воздел перст. – Азовский паша буквально сидит на золоте, и тут император Петр выводит свою флотилию в Дон, она спускается вниз по реке и выходит в Азовское море. Понимая, что вражеское кольцо смыкается, паша распорядился тайком погрузить все золотые запасы на баркентину и срочно отправить в Стамбул.

Рассказчик сделал эффектную паузу:

– Он опоздал. Флот Петра уже хозяйничал на море. Русские корабли потопили вражеский корабль, не подозревая, какие сокровища пустили ко дну. А главное – о затонувшей казне не ведали и в самой Турции. В курсе были только азовский паша и трое его приближенных, но все они погибли во

время осады крепости. Таким образом, об этих сокровищах теперь не знает никто. Кроме нас с вами, мой дорогой Глеб! Просто мне повезло, Фортуна улыбнулась. Копался в ростовском архиве – и случайно наткнулся на страничку из дневника турецкого офицера, личного адъютанта паши (благо, я немного разбираюсь в тюркских языках). Разумеется, страничку эту я из архива умыкнул.

Дик самодовольно ухмыльнулся. Но бросил взгляд на расстеленную карту – и снова стал сосредоточенным:

– Итак! Под водой лежат полторы тонны чистейшего золота. И где? Баркентина была потоплена на небольшой глубине, неподалеку от пустынного в те времена мыса Таган-Рог. Да-да, *my freind*: в двух шагах от сегодняшнего Таганрога валяется бесхозный клад, дожидаясь нас с вами!

Одним из главных Диковых принципов было – никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не говорить всей правды. Сейчас этому русскому сосунку он не открыл истины и на одну тысячную.

– Вашему государству мы как законопослушные предприниматели предоставим фрагменты судна, какой-нибудь там ржавый ятаган. Словом, – мишуру для местного музея. Ну а золото перебросим по моим каналам в Нью-Йорк и там реализуем по приличной цене. Что скажете, дорогой Глеб?

А дорогой Глеб истерзался весь, будучи обуреваем противоположными порывами. Переть против закона – не укладывалось в рамки его профессиональной этики. Ну а уж выво-

зять «за бугор» то, что принадлежит родному государству... Но в глубине сознания копошилась мыслишка: «Чем черт не шутит? Тогда и не понадобится мне никакой вонючий спонсор!».

В самом деле, хватит строить из себя деву непорочную! Государство наше горячо любимое – это кто? Ворюги-чиновники, которые все равно растащат золотишко турецкого паши, как уже растащили пол-России. А он, Глеб Платонов, вложит добытые деньги в свою экспедицию и отыщет Китеж-град, вернет народу ещё один фрагмент его истории.

Глеб уговаривал, умасливал свою совесть. Оно, конечно, можно прямо сей момент подняться и гордо «покинуть зал заседаний». Вопрос – чего он этим добьется? Энергичный уакеро раздобудет себе другого русского компаньона – менее щепетильного. Ну а Китеж так и останется гнить под водой ещё добрую тыщу лет.

– Я согласен, Дик, – тихо, ещё словно бы колеблясь, произнёс Глеб. И, с вызовом посмотрев в глаза партнеру, произнёс уверенно и жёстко:

– Я согласен!

Доска объявлений

Удаляю аппендикс, гланды, голову и другие ненужные органы.

Глава 12

НАЙТИ ДИЛЕТАНТА

(Москва, 20.. год)

У военного переводчика Васи Старыгина глаза – небесной голубизны. Сейчас Роджер разглядел это особенно отчетливо. Потому что держал Васину голову в руках.

Тело лейтенанта Старыгина в измочаленном тропическом камуфляже валялось метрах в шести отсюда, а голова была откромсана тесаком и нахлобучена на заострённый ствол молодого тростника. Ледогоров подошел к страшному плоду, увенчавшему верхушку тростникового побега, снял голову и бережно – чтобы не сделать Васе больно – положил подле растерзанного туловища.

Третьего дня они со Старыгиным выдули на пару бутылку настоящей русской водки (ящик «Пшеничной» им со случайной оказией из Белокаменной доставили в столицу демократического Мозамбика – город Мапуту). А позавчера три батальона Саморы Машела успешно завершили операцию, разработанную военным советником, полковником КГБ Колосковым. Здесь – в джунглях, обступивших вулканические горы Лебомбо, вдоль границы с Южно-Африканской республикой, – удалось окружить и уничтожить крупную группировку партизан. После чего Колосков решил самолично

обследовать район, освобождённый от повстанцев, – ознакомиться с результатами операции. Ознакомился...

Поиски вертолета начали вчера – когда полковник не отзвонился из Бейры, второго города страны, в который должен был прилететь. Весёлый Роджер связался с Бейрой и от командующего гарнизоном сквозь всегдашние треск и помехи услышал:

– Нет, не прибыл Колосков. «Вертушки» не было.

Здесь, в Мозамбике, Ледогоров числился советником по борьбе с бандитизмом – готовил президентских командос, учил их тактике борьбы с партизанами и диверсантами. Ему-то и поручили вместе со своими подопечными прочесать джунгли по курсу пропавшего вертолета.

Долго искать не пришлось. Судя по всему, «вертушка» летела над самыми кронами деревьев. Поэтому, получив пару пулемётных очередей, упала, но не взорвалась. Потом, спустя пару дней, знакомый медэксперт из советского госпиталя расскажет Роджеру: полковник был убит ещё в воздухе (смертельные ранения в голову и в грудь). А Вася, на свою беду, остался жив и попал в лапы к повстанцам.

– Но умер ещё до того, как его, понимаешь, обезглавили, – уточнил эксперт. И вздохнул: – И то понятно! Какое же сердце выдержит такие, понимаешь, пытки?

И ведь, черт побери, Васька не должен был лететь на этой треклятой «вертушке»! Полковника Колоскова всегда сопровождал его постоянный переводчик – капитан Горбонос.

Капитан был хронический разгильдяй и горький пьяница. Другого такого давно бы в двадцать четыре часа выставили из Мозамбика под зад коленом, но у этого гадёныша имелась очень уж мохнатая лапа в Министерстве обороны. Лапа в широких генеральских лампасах. И потому все художества ему сходили в рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.